

Ж-373.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК

М. А. Э.

МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Т. Х

1635

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
В. Н. Чернецов. — Быт хантов и манси по рисункам XIX в.	7
К. А. Большева. — Стилиевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекций МАЭ	34
Н. Ф. Прыткова. — Металлическая культовая посуда у угров	39
В. В. Антропова. — Старинные камчадалские сани	47
Г. М. Василевич. — Корытообразная парта сымских эвенков	93
А. А. Попов. — Старинная якутская берестяная юрта	98
Н. П. Дыренкова. — Материалы по шаманству у телеутов	107
Л. П. Потапов. — Бубен телеутской шаманки и его рисунки	191
В. В. Екимова. — Среднеазиатские кувшины для растительного масла	201
Д. А. Ольдерогге. — Фигурки предков племени бари	207
В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. — Антропологические материалы из Кенколь- ского катакомбиного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР	213
Е. В. Жиров. — Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии	266
В. В. Гинзбург. — Черепа из зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте	273
Е. В. Жиров. — Костяки из каменных ящиков Крыма	276
В. В. Гинзбург. — Антропологические материалы из раскопок на р. Маныч	285
М. Г. Левин. — Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с вопросами этиогенеза северо-восточной Азии)	293
А. Н. Юзефович. — Древнее черепа из окрестностей озера Лоб-Нор	303
А. Н. Юзефович. — К краниологии долган	312

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник Музея антропологии и этнографии, издаваемый ныне Институтом этнографии Академии Наук СССР, является продолжением серии Сборников Музея, доведенных до IX тома, вышедшего в 1930 г.

Сборники Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого начали издаваться с 1900 г. Сначала издание сборников велось отдельными небольшими выпусками. Первый из них был издан в 1900 г., в 1901 г. были опубликованы два выпуска — II и III. IV выпуск появился в 1903 г., V выпуск — в 1905 г., VI выпуск — в 1907 г., VII выпуск — в 1909 г., VIII — в 1910 г. С накоплением материалов и расширением собраний Музея выпуски стали выходить чаще и чаще. Так, в 1911 г. были изданы сразу IX, X, XI и XII выпуски. В 1912 г. — один выпуск — XIII, в 1913 г. три выпуска — XIV, XV и XVI. С 1913 г. решено было перейти от издания отдельных выпусков к публикации научных материалов по томам, превратив, таким образом, отдельные выпуски в настоящие Сборники Музея. Все уже опубликованные материалы были сочтены первым томом. Поэтому изданный в 1913—1914 гг. Сборник был опубликован сразу как II том Сборников Музея. Он был издан частями: том II, выпуск I, появился в 1913 г., том II, выпуск II, и том II, выпуск III, — в 1914 г., том II, выпуск IV, — в 1915 г. Том III появился в 1916 г., и тогда же в 1916 г. был издан том IV, выпуск I. Через год последовал том V, выпуск I, — в 1918 г. Вторые выпуски обоих томов появились лишь шесть лет спустя. Материалы по алтайскому шаманству А. В. Анохина, составившие том IV, выпуск 2, были изданы в 1924 г., а том V, выпуск 2, — в 1925 г.

В продолжение следующих лет сборники издавались ежегодно, без деления их на выпуски. В 1927 г. издан был том VI, в 1928 г. — VII, в 1929 г. — VIII и в 1930 г. IX том.

В 1930 г. на основе Музея антропологии и этнографии был образован Институт этнографии Академии Наук СССР. С этого времени научные работы сотрудников Музея антропологии и этнографии публиковались в различных изданиях Института. Всего с 1930 г. по настоящее время издано 16 томов „Трудов Института этнографии“.

Однако, в связи с расширением научной работы, Институт этнографии Академии Наук СССР, продолжая издание „Трудов Института“, решил возобновить публикацию также и Сборников Музея антропологии

и этнографии, основной задачей которых является систематическое издание ценнейших коллекций Музея и основанных на них исследований, а также полевых наблюдений.

Издаваемый Сборник является продолжением прежней серии, имеет последующую нумерацию и выходит как X том сборников МАЭ. Этот том включает статьи по этнографии и антропологии, отражая состав коллекций Музея, и в этом отношении также продолжает традиции прежних сборников. Большинство статей было подготовлено к печати еще в 1940 г., но выход Сборника был задержан Великой Отечественной войной.

За это время многие из авторов, статьи которых печатаются в этом сборнике: а именно К. А. Большева, Н. П. Дыренкова, В. В. Екимова, Е. В. Жиров и А. Н. Юзefович — погибли в Ленинграде во время вражеской блокады в зиму 1941—1942 года.

Материалы по шаманству у телеутов¹

Н. П. Дыренкова

Шаманские бубны, описанию которых посвящена настоящая работа, принадлежали шаману — телеуту Канакаю — Николаю Алексеевичу Чолухову из рода јутты (колл. № 2014-1, рис. 1 и 2) и телеутской шаманке Пөдөк — Федосье Степановне Тыдыжковой, урожденной Тодышевой — род отца јутты, род мужа — чорос (колл. № 2014-3, рис. 3—4, фото на рис. 5), жившим в улусе Чолухой, бывш. Томской губ., Кузнецкого уезда, нынешнего Бековского сельсовета, Беловского района, Новосибирской области.

Бубны переданы в Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР Андреем Викторовичем Анохиным, этнографом и исследователем Алтая, в 1912 г. и зарегистрированы на основании данных собирателя.

В основе нашего описания лежит опись МАЭ коллекции № 2014 и сведения, полученные нами об этих бубнах и их владельцах шаманах, от брата шамана Канакай — Степана Алексеевича Чолухоева и сына шаманки Пөдөк — Степана Тыдыкова, а также от Романа Алексеевича Клопотина, участвовавшего прежде в шаманских камланиях в качестве помощника шамана (тәм кошјатан кижі) и потому хорошо знакомого с шаманской обрядностью. Ими же сделаны приводимые ниже рисунки бубнов рис. 6 и 7 и от них же записано камлание при получении шаманом нового бубна.

Согласно описи Музея и рассказам телеутов бубны эти получены от шаманов Канакай и Пөдөк А. В. Анохиным летом 1911 г. в улусе Чолухой при жизни этих шаманов (Канакай умер в 1914 г., Пөдөк — в 1929 г.).

¹ От редакции. Публикация материалов по шаманству телеутов, собранных Н. П. Дыренковой в 1931 г., вызвана их большой научной ценностью для этнографии народов Сибири. Эти материалы являются уникальными, так как шаманство у телеутов в настоящее время исчезло. Они представляют большой интерес также для лингвистов и фольклористов. Автор представил в свое время записанные телеутские тексты в латинской транскрипции. Редакция сочла необходимым заменить эту транскрипцию обычной академической, основанной на русском алфавите. Работа по замене транскрипции и сверке с переводом выполнена А. И. Новиковым.

О первом бубне № 2014-1 в описи сказано: „был в употреблении 16 лет. Железные перекладки и подвески новые“, о бубне № 2014-3: „перекладки и подвески новые“. Таким образом, ясно, что оба бубна даны А. В. Анохину самими шаманами, а не взяты им с могилы шамана, как это имеет место с большинством бубнов в собраниях музеев. Шаманы передали А. В. Анохину свои старые бубны после того, как они получили новые (при обряде получения нового бубна); из уважения,

Рис. 5. Шаманка с бубном.

видимо, к А. В. Анохину, они отдали свои бубны с рукоятками, хотя, как правило, при обмене бубна шаману делают заново лишь обечайку, а металлические части и рукоятка бубна остаются старые. Надо отметить, что у одного бубна (2014-1) прорезана кожа, а это делается, по правилу, после смерти шамана — владельца бубна. Возможно, в данном случае шаман сам, передавая свой бубен собирателю, прорезал кожу, чтобы духи покинули этот бубен и не ушли с бубном, увозимым собирателем.

Настоящие бубны являются последними бубнами последних телеутских шаманов.¹

I

Шаманство достигло у телеутов высокой стадии развития, оно успело превратиться в профессию: шаманское служение оплачивалось. Существовал весьма развитый ритуал.

Шаманы, являясь эксплуататорами своих сородичей, требовали платы за камлания деньгами или скотом. Скот,

„угодный духам“, т. е. угодный шаману, „закамливался, по его настоянию, в жертву духу“. Лучшие куски мяса, как и шкура, шли в пользу шамана. Еще В. В. Радлов в 1861 г. писал о телеутских шаманах: „Мнимое исцеление больных происходит следующим образом. Призванный шаман осматривает больного и затем назначает день жертвоприношения и жертвенное животное: обычно он выбирает очень жирную хорошую лошадь. После жертвоприношения шаман получает в подарок вторую лошадь. Это бесполезное жертвоприношение стоит людям больших денег, а иной на этом совсем разоряется. Мой казак рассказал мне об одном слепом, который имел табуи в 500 коней и созывал всех где-либо прославленных шаманов, чтобы при помощи

¹ В целях удобства изложения отдельные части описания даны в настоящем времени.

их искусства стать зрячим. Этот человек все еще слепой, но его табуны исчезли, и сам он, обедневший, лежит в жалком состоянии в своей лачуге".¹

Телеутское шаманство, однако, сохраняло пережиточно свой первоначальный родовой характер. Шаманский дар передавался в роде — сбѣк'е — шамана. По представлению телеутов, духи умершего шамана искали и выбирали себе нового шамана среди его родственников, мужчин или женщин, в его же роде. Отмечены случаи, когда шаманский дар наследственно переходил от та'я — брата матери — к jïäñ — племяннику.

Считалось, что каждый шаман должен был быть предопределен к своему служению самим Ульгением:

„Уйгяниң сабыр пічік јок јолзо, кам кайдаң јолун камдајтан? — если нет бумаги — письма Ульгения — шаман как станет камлать?“ — говорили телеуты.

Призыв к шаманскому служению обнаруживался особым приступом „шаманской болезни“, который осмыслился телеутами, как принуждение духа — тѣс пәсјат —

Рис. 6. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

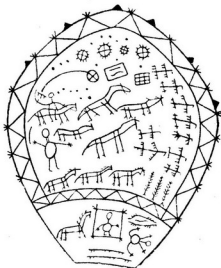

Рис. 7. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

„дух давит“, т. е. наступает [на избранного им. Момент этот происходил примерно на пятнадцатом-восемнадцатом году жизни будущего шамана или шаманки. В этот период шаман назывался паскынкам, т. е. буквально — „принуждаемый, давимый шаман“. Позже, став уже шаманом и совершая камлания, шаманам в призываниях говорили о себе: „кам Кобордаң кујбургам, кам Пѣнѣк пажылгам — из-за шамана Кобора я мучился и болел безумием (буквально — „я бегал и крутился, как вихрь“), шаман Пѣнѣк меня давил...“ (слова шамана Канакая).

В течение этой болезни, продолжавшейся иногда год и даже больше, шаман по представлению телеутов, попадал во власть духов, которые его „пересотворяли“ (jajaldan — буквально — „быть сотворенным“). У каждого шамана поэтому был свой дух, которого он называл „Мян јайалданым“ — „мой пересотворитель“.

Духи варили, будто бы, шамана в особом котле, разрезали его мясо и долго и внимательно пересматривали и пересчитывали его кости. Если у кандидата в шаманы не хватало одной кости, он должен был умереть, если находилась лишняя кость, как бы он ни сопротивлялся, он становился шаманом.

¹ W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Erman. Archiv für wissenschaftl. Kunde von Russland. 1861. XX, стр. 587.

В этот период, когда будущего шамана тос насят — „дух давит“, шаман подвергался тяжелым приступам — припадкам болезни (кам полуи ојырап јат), он лежал и пел и бессмысленно выкрикивал, неожиданно вскакивал и, надолго исчезая из дома, бродил по окрестностям. С закрытыми глазами, в полусознании, шаман убегал куда попало.

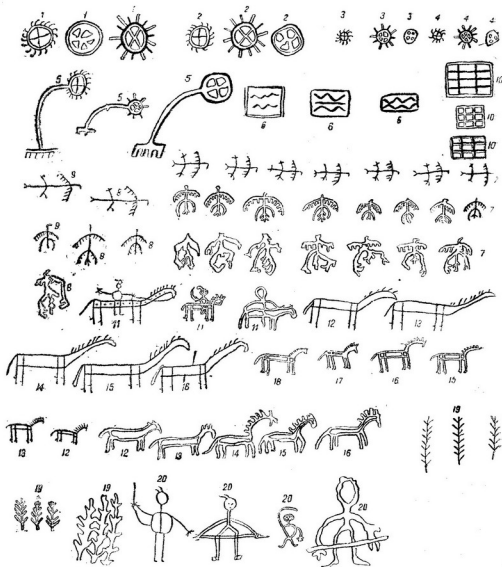

Рис. 8. Детали рисунков на бубнах.

и бегал, где попало. Кам кујбурјат — буквально „шаман безумствует, шаман выхрился“ (т. е. развевается — мчится, как вихрь), — говорил про такого начинающего шамана телеути.

Родные, часто не желавшие, чтобы их родственник стал шаманом, принимали соответственные меры, чтобы оградить, его от наступающих, претендующих на него духов — тс'ов. Наиболее эффективными мерами считались: накрыть его женскими штанами, положить под кровать, на которой спит женщина, или спустить в подполье, т. е. так или иначе ввести больного в соприкосновение с женским

костюмом (штаны) или местом, оскверненным присутствием женщины (кровать, подполье).¹ Самым сильным средством считали *menstrua*. Таким образом, существовало представление, что женщина и всё, что связано с ней, особенно с ее половой жизнью, оскверняет и, следовательно, отгоняет духов. Несмотря на это, сама женщина могла быть шаманкой. Девушка-шаманка, выходя замуж, рожая детей, также не теряла шаманского дара.²

В том случае, когда ничто не помогало и молодой шаман продолжал болеть, „сходить с ума“, родственники договаривались между собой и устраивали особый обряд—путудар, буквально — „пар хватать, держать“.³

Обряд этот мог быть совершаем только весной или осенью, непременно в начале месяца или в новолуние, но ни в коем случае не на ущербе месяца. Он повторялся, обычно, несколько раз и состоял в следующем: приготавливали пресные лепешки чок тартычи, в первый раз совершения обряда — пять штук, во второй — семь, в третий — девять.

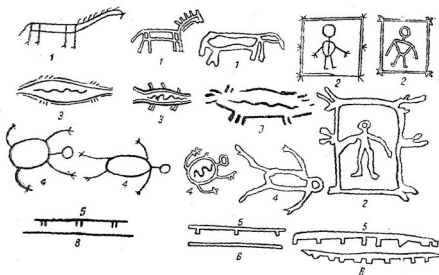

Рис. 9. Детали рисунков на бубнах.

в четвертый — двенадцать, в пятый — пятнадцать; на шестой раз приготавлилось мясо. Приглашали опытного шамана или двух. Приглашенный шаман садился на лавку рядом со своим учеником — будущим шаманом — и обучал его шаманскому искусству. Рядом с ними на скамейку в переднем углу ставилось корытце — *тэйши* — с лепешками или мясом.

Ученик шаман поднимал *тэйши*, повертывал его „по солиду“. Угощая духов, он произносил обращения к ним, повторяя слова обращения вслед за своим учителем шаманом. Во время этого обряда молодой шаман призывал духов — *тосов* — своих предков — шаманов, называя их всех по именам, затем произносил обращения ко всем земным

¹ Подполье уже по одному тому считалось нечистым, что женщина ходит по полу, т. е. над подпольем, она же чаще всего спускается в подполье.

² Для женщины-шаманки запретно было лишь камлание Ульгению, особенно после замужества. Переходя после брака в род мужа (экзогамия), женщина оставалась в нем чужеродной и, как таковая, не имела права участвовать в родовом культе, а тем более совершать жертвоприношение главному родовому духу — Ульгению.

³ Пуклэй бәдй — пар идет (когда гонят водку). Возможно, название этого обряда происходит из представления, что духи питаются паром от приносимой им жертвы.

духам—jār-jol — и небесным духам — пајана (обращения эти см. ниже). Происходило своего рода обучение нового шамана старым, более опытным и умелым в обращении с духами.

Бубен шаман получал не сразу, а только после того, как дух, его пересотворивший, давал ему приказание сделать бубен. Бывали случаи, когда шаман камлал несколько лет, и даже всю жизнь, без бубна, с одной только колотушкой.

Колотушка — орбу — делалась из таволги (табылҕы) и обтягивалась камусами с ног дикой козы (ālik пычкаҕы).

В шаманских призываниях колотушку называют „таш орбу“ — каменная колотушка, по той будто бы причине, что при изготовлении ее под шкуру подкладывали небольшой камешек. К вновь изготовленной орбу привязывали три ленты — полосы материи: хозяину орбу — орбу āi Tojлудану, Сом адазы, Jōkan'u и Pōrūči-kan'u.

Впоследствии к этим лентам (тү) присоединяли другие; их привязывали те лица, у которых шаман совершал камлания.

Вновь сделанную колотушку шаман должен был показать хозяину орбу — Tojлукан'u. Шаман обращался к Tojлукан'u со следующими словами:

Таш орбумнуң āi,
Табылҕымның сүрмәди!

Хозяин моей каменной колотушки,
Талины — таволги изображение —
образ!

Карлыгаш пашгу,
Кан кызыл jār āi,
Сары Чымыш кәзә отурған,
Ана́м Тојлу, Кайракан!

С головой ласточки
Хозяин хан красного яра (берега)!
Владеющая рекой Сары Чугышем,
Мать моя Тойлу, Кайиракан!

Бубен у телеутов носил название түңүр¹ и чолу;² в шаманских призываниях его называли ак адан.

Алты өркөштү ак адан,
Алты көстү ала Марс (барс).

О шести горбах бубен,
О шести глазах пестрый барс.

Главным хозяином всех бубнов считался мар āi ajыр jaдды-кан Кычкыл — хозяин мара (барса) с гривой жеребца, хан Кычкыл.

Кроме того, у каждого бубна был еще хозяин, сын хана Кычкыл'a:

Аҕым мардың ак тајлык,
Көчүн мардың көк тајлык

Белого мара белый Тайлык — молодой конь,
Синего мара синий Тайлык — молодой конь,

Ак аданның āi кан,
Ала барстың сүрмәди кан.

Белого бубна хозяин кан,
Пестрого барса изображение — хан!

¹ В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречия. Казань, 1884. стр. 384: „түңүр (телеуты) — бубен шаманский — барабан, обтянутый с одной стороны кожей маральей или конской, с другой стороны бубна приделывается рукоятка и привешиваются металлические погремушки; с наружной стороны бубен разрисовывается. К бубну алтайцы питают более уважения и страха, чем к самому шаману, веря, что в бубне живет дух — хозяин его (түңүр āi) и что при камлании собираются туда духи, призываемые камом (чалулар төстөрү). Все части бубна и разрисовка его имеют значение. Изготавливаемый бубен освящается особым образом, при собрании народном, жертвоприношении и общей попойке. По смерти кама бубен привешивается возле могилы его или с почтением сохраняется в юрте родственниками его; или относится в лесную чащу и вешается на дерево“. — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1903, т. III, стр. 1543.

² В. Вербицкий, ук. соч., стр. 422: „чалу (тел.) — бубен шаманский“. — В. В. Радлов, ук. соч., стр. 1884: „чалу (алт.) — шаманский бубен, идол“.

Вот почему во время камлания шаман обращался к хозяину своего бубна, часто говорил „ак аданның, ālāri“ — хозяева бубна (мн. число от ā — хозяин), вместо „ак аданның āzi“ — хозяин бубна:

Ак аданның ālāri,
Ала барстың сўрмәттәри,

Ала барсың кәзә туткар,

Ак аданны пош салбагар!

Хозяева белого бубна,
Изображения — облики пестрой ру-
коятки,
Пестрый барс — рукоятку крепко
держите,
Белый бубен не выпускайте — не
отпускайте!

Любопытен образ хозяина бубна айыр јалдү хан Кычкыл — хан Кычкыл, „имеющий гриву жеребца“, указывающий на сохранившееся у телеутов представление о бубне — как о верховом животном шамана — его коне или олене, отмеченное у ряда других народностей Сибири.¹ Осмысление бубна, как коня, на котором шаман совершал свои далекие поездки к духам, выявляется и из обращения шамана к его бубну во время камлания:²

Алты өркөштү ак аданым,
Арка ызынын пош салба,
Адабістің ары јолдо,

Адар таңга аш ползон!

Алты көстү ала барсым,

Ала барсты кәзә тутсаң!

Шестигорбый мой белый бубен,
Спина и шея твои пусть не ослабнут!
О, если бы на чистом пути отца
нашего
До утренней зари товарищем и
спутником ты был!
О, если бы, шестиглазый пестрый
барс,
Пеструю рукоятку ты крепко дер-
жал!

Когда на пути к тому или другому духу бубен — конь спутник — товарищ (аш) шамана уставал, шаман заменял его птицами, а коня отправлял „подкрепиться“ на гору Сүрүн к молочному озеру сүт ак-көй:

Сүт ак көлдөң суғат ал,
Сүрүн тўдаң јәмзү ал.

Из бело-молочного озера пей,
С горы Сюрюн бери себе пищу.

или же отправлял его отдохнуть к себе домой:

Алты өркөштү ак аданымның,
Арка мойны пожој тўштү.

Моего белого бубна о шести горбах
Шея и спина ослабли,

¹ А. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этно. графия, 1935, № 5—6.

² Возможно, подтверждением этого представления о бубне, как о коне шамана служит и название чалу āzi — хозяина бубна ак Мардың ак тайлың — „белого мара белый тайлык“. Значение слова тайлык в настоящее время утеряно, но некоторые телеуты склонны объяснить его, как „молодой конь“ от „тай“. Ср.: Вербицкий. Словарь алтайского и а:адагского наречия, стр. 326: „тай — жеребенок со второй весны.“

Ак аланчыкка ајлан-көрзін,

Арка-ба тојнын тыныдын көрзін!

Пусть к белому аланчику — жилищу (моему) он вернется,

Спина и шея его пусть окрепнут — отдохнут!

Хозяину бубна, чалу *аји* или мар *аји*, шаман должен был совершить первое камлание при изготовлении бубна, ему шаман должен был прежде всех показать свой новый бубен (см. ниже).

Дух „пересотворивший“ шаманз, назначает время, когда надо сделать бубен, и определяет каждому шаману то количество бубнов, которое тот сможет иметь в течение своей жизни.

Бубен может быть сделан весной или осенью и непременно в начале месяца или в полнолуние. Запрещается делать бубен в конце месяца как зимой, так и летом.²

В изготовлении бубна принимают участие, обычно, сородичи шамана; разрешалось участвовать в этом деле и чужим. Участие тая — дяди с материнской стороны и, вообще, родни матери, считалось желательным, но не обязательным.

Делают бубен из дерева, кожи и железа.

Бубен состоит из следующих частей: 1) деревянной обечайки; 2) кожи, натянутой на обечайку; 3) деревянной вертикальной перекладины — ручки; 4) горизонтального железного прута, проходящего сквозь вертикальную перекладину; 5) железных привесок, изогнутых на горизонтальный прут и прикрепленных к обечайке.

Бубен № 2014-1 имеет следующие размеры: окружность 182 см, радиус (по вертикали) 68 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 64 см, ширина рукоятки $6\frac{1}{2}$ см, ширина обечайки $9\frac{1}{2}$ см (рис. 1).

Бубен № 2014-3 имеет следующие размеры: окружность 183 см, радиус (по вертикали) 60 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 57 см, ширина $5\frac{1}{2}$ см, ширина обечайки $10\frac{1}{2}$ см (рис. 3).

Обечайка бубна каш (край) или курчу (обруч) делается из кедр (кујук). На наружной поверхности под кожу кладется шесть деревянных полушарообразных деревяшек, которые образуют возвышения — *өркөш*, т. е. горб; они служат резонаторами. Вот почему шаман называет свой бубен „алты *өркөштү* ак аданым“ — „мой бубен о шести горбах“.

Вертикальная перекладина бубна — барс (барс) делается из березы (кајың). В том месте, где шаман берется за перекладину рукой, барс суживается, образуя рукоятку бубна. Ниже и выше этого суженного места на лопастях рукоятки просверливают отверстия (около 50 в верхней части, и около 40 — в нижней).³ Эти отверстия осмысливались как глаза барса, почему в шаманских призываниях рукоятка бубна называется „алты көгү ала барс“ — шестиглазый пестрый барс.⁴

Во время камланий шаман просит хозяина бубна: „чалу *аји*“ — „крепко держать рукоятку бубна.“

Ак аданымның *аји*,
Ала парстың сүрмәді,

Азы мардың көк Тайлык,

Хозяин белого бубна моего,
Пестрого барса изображение — образ,

Белого мар'а синий Тайлык — молодой конь,

¹ Аланчик — конусообразная юрта, прежнее жилище телеутов.

² Тунбушај — замкнутые месяцы, т. е. три зимних и три летних месяца.

³ В эти отверстия при камлании *јаңы* сом'у шаман невидимо продвигает двадцать нитей. Это означает, что двадцать мастериц, живущих у земной щели, зашивают эту щель.

⁴ Рукоятка шаманского бубна телеутов отличается от рукоятки алтайских шаманских бубнов, представляющих антропоморфное изображение хозяина бубна. В. В. Радлов писал: „Шаман показал мне в телеутской деревне по р. Ур в десяти км от сел. Чолухон свой бубен, который был отаижен от алтайского“ (Reise durch den Altai A. Erman. Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland).

Аҗыр җалдү кан-Кычкыл,

С гривой жеребца, кан Кычкыл,

Ала парсың кәзә тутсаң!

О, если бы ты рукоятку пестрого
барса крепко держал!

Из железа делается металлический прут, проходящий сквозь рукоятку бубна и носящий название *кіріш* (тетива). Кириш по краям имеет утолщения. Между каждым утолщением и обечайкой свободно двигаются железные привески (*күмә*), которые осмысляются шаманом как стрелы. К верхней части обечайки с внутренней стороны прикрепляются на железных кольцах, по три с каждой стороны, железные полулунные пластинки — *кылыш*, т. е. сабля. Название поперечной перекладины бубна *к'ріш* — тетива, как и осмысление металлических подвесок, в качестве стрел, — указывает на связь представления о бубне с представлением о луке и стреле. Это подтверждается и тем, что, по представлению телеутского шамана, шаман, держа бубен, может отпугивать звоном подвесок бубна, ударами по коже бубна, злых, негодных ему духов. К *кіріш'у* подвешиваются с обеих сторон барса по две ленты (*жалама*) (рис. 1 и 3).

На покрывку бубна идет обычно кожа жеребенка.¹ Кожа натягивается с одной стороны бубна (*пүдүжі*), покрывает обечайку с наружной поверхности и затягивается особым швом с другой стороны бубна (*түбү*).

Духи во время припадка шамана или во сне дают ему указание сделать бубен² и указывают, в каком именно месте растут предназначенные для его бубна деревья, кедр и береза, и где, в каком стаде, пасется лошадь, шкура которой предназначена на покрывку его бубна. Как правило, за деревьями и за конем надо всегда ехать на восток. Деревья же должны расти на восточном склоне горы. Узнав о приказании сделать бубен, данным духом шаману, двое или трое его родственников отправляются прежде всего рубить деревья. Березу на рукоятку бубна рубили обычно где-либо в окрестностях, за кедром приходилось ездить часто очень далеко, вплоть до реки Томи.

Найдя указанные духами деревья, приехавшие начинали рубить их. При этом они произносили следующие слова, обращаясь как бы к будущему бубну:

Канҗа кірзәң, камајба,
Піјгә кірзән, җалтанба,

Если войдешь к хану, не стесняйся,
Если войдешь к начальнику, не
отшатываясь,

Кан алдында қабыр бол,
Піј алдында піјік бол,
Тілің ада җару бол,

Перед ханом смелым будь,
Перед начальником высоким будь.
Речь твоя (буквально, язык твой)
пусть будет угодна,

Тізаң ала чөгү бол.

Колена твои пусть будут преклонены
(буквально вдавлены в землю).
Если хан будет, у хана милость бери,
Если начальник будет, у начальника
мудрость — знание бери.

Каннаң ползо, кајран ал,
Піјдәң ползо, пілді көр.

Когда ты будешь действовать —
пусть твои действия исцелением
людям будут,

Аткәниңдә әм ползын,

¹ Алтайские телеуты (ул. Черга) рассказывали, что старики в прошлом покрывали бубен шкурой марала. См.: В. В е р б и ц к и й, ук. соч., стр. 385.

² В дальнейшем дано описание обряда получения бубна, совершенного шаманом Канакеем (Николаем Алексеевичем Чолуховым).

Тутканында туза ползын,
 Караңнаның көстө бол,
 Кармаңнаның колдо бол.
 Алтај чыкканыңды алып-тур,
 Арслап чыкканыңды кәп-тур.

Канду көдүрзә, кәйран ал,
 Піјді көдүрғә пілді көр.
 Жаңылғанда јаак пол,
 Сүрнүкәндә тујак пол,
 Сүза түшсә тајак пол,
 Кырға чыкса, јөлөк пол.

Сабылтарға салбај-тур,
 Чајбалтарға пәрбәј-тур,
 Әнілтәргә пәрбәј-тур,
 Әндәдәргә салбај-тур.
 Көзі јаман көргүспә,
 Күні јаман таңдатпа.

Јарынтуға пастырба,
 Јоктуға ајттырпа.

Качырғанга јәдip-тур,
 Кајканнаң озып-тур,
 Карылуға көргүспә,
 Камчылуга түзәлтпә.

Ак тајкадаң, ажу ал,
 Ағын сүдаң кәчү ал,

Аткан октоң сүргүн бол,
 Ағын сүдаң түргән бол,

Когда будешь держать, хватать,
 польза пусть народу будет.
 То, что увидишь глазом, из глаз
 твоих пусть не уйдет,
 То, что захватишь, в руке твоей
 пусть останется.
 Когда поднимешься к духу, про-
 славляя его, желаемое получай,
 Когда, соблюдая чистоту, подни-
 мешься к духу, нужное тебе захва-
 тывай.
 Если хана будешь возвышать,¹
 милость получи,
 Если начальника будешь возносить,
 мудрость увидь,
 Когда (кам) ошибется, щекой ему
 будь, отвечай за его щеку.
 Если (шаман) споткнется, копытом
 ему будь
 Если пойдет (кам) в воду, будь ему
 посохом,
 Если станет подниматься на хребет
 горы, будь ему опорой.
 Не допускай (шамана) качаться,
 Не давай ему шататься,
 Не давай ему сгибаться,
 На поражение не оставляй его.
 Не показывай злему глазу,
 Не давай на удивление, имеющему
 злые намерения.
 Имеющему лопатки, не давай его
 давить,
 Имеющему щеки, не разрешай его
 переспорить.
 Когда будете гнаться, догони,
 Когда будете убегать, убеги.
 Имеющему глаза, не показывайся.
 Имеющему плеть, не являйся в сно-
 видении.
 Через пеструю гору перевал бери,
 Через быструю реку переправу
 бери.
 Будь легче выпущенной стрелы.
 Будь быстрее текущей воды,

¹ Буквально: поднимать, т. е. совершать моление духу.

Салкынтүда ыжык пол,
Сајлу күндә јөләк пол,
Каалү күндә колка бол,
Тымулүда туза бол!

В ветреный день убежищем будь,
В тяжелый день опорой будь,
В несчастный день преградой будь,
При болезни (поветрии) полезным
будь!

Затем отправляются покупать требуемого духами коня — байтал'а — для обтягивания бубна. Шкуру байтал'а очищают от шерсти и натягивают на остоу бубна. После того как бубен обтянут шкурой, те, кто его обтягивали, обычно двое, ставят его у порога дома шамана. Связывают три прута тальника (таддың корбазы) и ударяют несколько раз по натянутой коже бубна.

В это время в дом шамана уже съезжаются его сородичи и друзья с вином и угощением на чалу тојм — пир бубна. Пьяные гости, сидя за столом и продолжая дальше пить, схватывают вином изготовленный бубен и начинают по очереди ударять в него. Бубен переходит из рук в руки. Так они ударяют до тех пор, пока не разойдутся, т. е. пока хватит вина. Иногда такое угощение продолжалось трое суток. Ударять могли только мужчины. Сам шаман, присутствующий тут же, имел право лишь брать бубен в руки, но ударять не должен был.

Каждый из присутствующих, ударяя в бубен, произносил по своему усмотрению обращение к дереву, которое пошло на бубен, и к коню, шкурой которого был обтянут бубен, стараясь угадать и точно указать местность, где росло дерево, и район, где пасся конь. Эти обращения — слова присутствующих — совершенно естественно варьируются.

Обращение к бубну

1. К деревянной обечайке

Алты өркөштү акаданның
Алтын кажын кәскән ағаш,

Кажы јәрдәң көсті-нә,
Кажы сүдәң тапты-нә!
Јаткан ала јәрім әдә,
Ічкән ала суум әдә!
Јаказын басса јарсылбас,

Әдәгін басса јәрікпәс.

Ак чабағы мај тадыған,

Ағын суум үс тадыған,

Үссүн јаның јүс казык,
Алдын јаның муң казык,
Улү Бајат кәзә отурған,
Үч толукту әнәм јүрәкәј; Кайракан!
Аның којунаң көсті-минә,

Күчү Бајат кәзә билгән,
Аның бојунаң кәсті-минә,

Шестигорбого белого бубна
Для золотой обечайки срезанное
дерево.

В какой это земле срублено,
На какой-то реке найдено!
Где я лежу, моя земля,
Где я пью, моя вода!

Если по берегу реки будет ходить,
шума не слышно,

Если по склону горы будет ступать,
скупать не будет.

Белая рыба той реки на вкус, как
масло,

Быстрая вода моя на вкус, как
навар.

Вверху сто колов,
Внизу — тысяча колов,
Рекой Большим Бочатом правящая
Треугольная мать јүрәкәј, Кайракан!
В ее пазухе — на ее склоне — сре-
зали развел!

Рекой Малым Бачатом правящая
У нее у самой срезали развел!

Аның бојунаң кәспәгән болзо,
 Абын суу үс тадыған,
 Ак чағазы мај тадыған,
 Алдыңу јаның кәт, Кайракан,
 Үссүңгү јаның әнәм. Саңыс, Кайра-
 кан,
 Алтын сајлұ әнә Томнуң қапсынаң
 ошкош!

Если у нее у самой (дерево) не
 срубили,
 На берегу реки Томи, чья вода на
 вкус, как навар,
 Чьи белые чабаки — рыба — на вкус,
 как масло,
 В верховьях которой река Кет Кай-
 ракан.
 В низовьях которой мать моя река
 Саңыс Кайракан,
 На берегу матери моей реки Томи
 с золотыми отмелями, похоже, что
 срубили!

2. К байталу — коню:

Алты өркөштү ак аданга јапкан
 байтал,
 Кажы јәрдәң тұлды-яә,
 Кажы јәрдә өстү-нә,
 Кажы суудаң ічті-нә?!
 Алты өркөштү ак аданның,
 Ак пајталы тулған јәрі
 Әнәм оскоттың ічіндә,
 Әнәм коңыс Кайраканның којунда
 ошкош!

Байтал, шкурой которого обтянут
 шестигорбый мой бубен,
 В какой-то земле родился,
 В какой это земле вырос,
 На какой это реке рәс?!
 Земля, где родился белый байтал,
 Моего шестигорбого белого бубна,
 Похоже, что в пределах матери
 моей реки Оскот'а,
 В паузе, — на склоне — матери
 моей Коныс — Кайракан.

Гости, присутствующие на чалу тојы, разъезжаются. Спустя некоторое время при-
 зывают человека, умеющего разрисовывать бубен. Призванный наносит на коже бубна
 рисунки. Каждый из рисунков связан с шаманской космогонией и представлениями
 о шаманских духах. Бубны телеутских шаманов однообразны по разрисовке. Рисунки
 устойчиво сохраняются от бубна к бубну, не только от шамана предка к шаману
 потомку, но и в разных родах (сёб'ах). Допускаются лишь самые незначительные
 отклонения в размещении отдельных изображений и их трактовке.

Наружная сторона бубна (пүдүжі), закрытая, разделена на две части, большую —
 верхнюю и меньшую — нижнюю (рис. 8 и 9). Черта, разделяющая оба поля, состоит
 из двух горизонтальных параллельных линий и третьей зигзагообразной, проходящей
 между ними. Такая же черта окаймляет наружный край верхнего поля, образуя свод.
 Обе черты нанесены белой краской. По внутреннему краю черты, окаймляющей верхнее
 поле, проведена еще одна красная линия, изображающая, видимо, небесный свод. Около
 каждого наружного угла, получающегося от зигзагообразной линии, проведены три
 черточки, соединяющиеся в вершине угла. Всего должно быть семнадцать таких соеди-
 нений (17 × 3) по числу семнадцати „дорог хаков“ он јәтти канның тарам јол (см. ниже
 камлание с бубном духу Марәзі).

На пространстве верхнего поля нарисованы (рис. 8):¹

1. Солнце — күн.

2. Месяц — ај.

3. Утренняя звезда Венера — таң чолмон.

¹ Под каждым номером даны варианты рисунков.

4. Вечерняя звезда — зарница — *аңир чолмон*.

Солнце и месяц рисуются белой и красной красками, звезды только белой, но они могут наноситься и двумя красками, белой и красной.

5. Радуга — *солоңы*. Она касается одним (верхним) концом солнца, другим (нижним) концом — земли. Рисуются белой и красной красками.

6. Квадрат — *Сабыр пічік* — с двумя зигзагообразными линиями внутри, наносится белой или красной красками. Полное название — *ах Ыгәниң сабыр бічік* — „рукописание Белого Ульгения“. Только имея от Ульгения *Сабыр пічік*, шаман может совершать свое служение.

7. Девять птиц (может быть и восемь). Семь из них илиш есть называются: „*Ыгәни јәтти кара куш*“ — „семь черных птиц Ульгения“ — или „*Куштар Чамғыл-птицы Чамғыл*“. Рисуются белой краской.

8. Восьмая птица называется „*јәс тырмакту кара куш*“ — „с медными когтями черная птица“; она же называется еще и „*Ыгәни кужу бај мүркүт*“ — „Ульгения птица большой беркут“. При камлании *јәс тырмакту* кара куш всегда сопутствует каму, выполняет обязанности слуги: подносит абыртык (брагу) духу и, по поручению кама, уносит домой *көнөк* (берестяной туес), в котором была брага.

Шаман обращается к ней:

Бај Ыгәни кужу бај мүркүт,

Птица богатого Ульгения богатый беркут,

Јәс тырмакту кара куш,
Тура јиктү тәс көнөктү,

С медными когтями черная птица.
Берестяной көнөк с поперечным швом.

Ај тырмакка іліп-ал,

На лунообразные когти твои повесь,

Ај канатка пур кәп ал,

Лунообразным крылом твоим затемни — прикрой.

Аттап чыккан ак ардомо

В мое жилище, откуда я вышел, прославляя духов,

Аттап чыккан ак ајланчыкка,

К моему чистому жилью — аланчику, откуда я вышел, именую духов,

Ајланып аккірі!

Вернись и внеси!

Ей шаман поручал отнести на отдых свой бубен, когда его бубен „устанет“ от долгого пути. *Јәс тырмакту кара куш* рисуется на бубне несколько больше других птиц, иногда красной краской, чаще белой.

9. Девятая птица *Кан-карлык* при камлании исполняла роль разведчика, летела впереди шамана и обо всем, что узнает, докладывала шаману. Изображается черной краской.

10. Сетка — *тор*, при помощи которой птицы *Чамғыл куштар*, по приказанию шамана, ловили ушедшую или увнесенную духами душу больного; имеет вид решетки.¹ Рисуются белой краской или белой и красной, или одной красной. Шаман обращался к своим птицам *Чамғыл куштар*:

Әркәј канның чамғыл куштар,
Алтын тәр тартып турбар;

Әркей хана Чамғыл птицы,
Золотую сетку натяните.

¹ При камлании подвешивалась к дверям жилища особая сетка, которая также называется *тор*.

Ат патынча алтын кутты,
Айры колго капчыккар!

Золотую душу с конскую голову,
В когтистые лапы захватите!

11. Буря — кони, на которых „ездыт“ Ыльген'и, духи земли и сам шаман.¹ На одних бубнах им рисуют восемь, на других — шесть.

Первый конь — буря кама, которому принадлежит бубен.

Камень тын буразы — „шамана душа буря“. С этим буря связана жизнь шамана. Если у шамана отнять буря, то шаман теряет способность камлать и вскоре умирает. Вот почему каждый шаман старательно прячет своего буря как от других шаманов, так и от враждебных ему духов. Этот буря или совсем белый, или белый с красными точками — чокурат-чубарый конь. Человек, сидящий на нем, — сам кам.

12. Второй конь кызыл буря — „красный буря“ — принадлежит Ыльгеню кызыл таяр. Рисуете красной краской.

13. Третий конь — көк буря — „синий буря“ — принадлежит Ыльгеню тото таяр. Рисуете черной краской.

14, 15, 16. Кони рисуются всегда белой краской. На бубне Канакая их три: это буры ойрот таяр (он же бурхан таяр), тумат таяр и последняя — барс айна баг Ыльгеня.

17, 18. На бубне Падж их пять: буры ойрот таяр, тумат таяр, абжш таяр, мордок-хан'а и барс айна баг Ыльгеня.

19. Три железные лиственницы Ычтайр тыт, на которых кан куш или кан карлык (девятая птица, 7, 9) устраивает себе гнездо. В шаманских молитвах говорится, что на этих трех лиственницах вьет себе гнездо ыч тайр тыт паштарын пур тартып, уя жавандан мать всех птиц — куш айна курдаг-кан. Другое название этих деревьев — ыч паг кайың — три богатые (выдающиеся, развесистые) березы и ыч тапты — три тапты — ступени или деревья восхождения к Ыльгеню.

20. Хранитель шамана камень сакчым — антропоморфное изображение духа, охраняющего шамана. Камень сакчым изображается всегда с мечом — кылыш — в руке. Он носит еще другое название: Ыльгенің ылы кирби таг ат пулузы баг сойт — сын Ыльгена кирби-тай или Бай сойт — „козская привязь“. Дух этот сопутствует каму в его путешествиях, стоит при дверях, когда кам заходит во дворец того или иного духа. Изображается белой краской.

На нижней половине лицевой стороны бубна нарисованы следующие фигуры (рис. 9):

1. Черный конь адабистің кара буря — „отца нашего Адама черная буря“. Бурой Адама или Ерлика заводит Пөрүчи-хан. Когда шаман камлает Ерлику, он накануне должен совершить специальное камлание — поймать бурю Ерлика у Пөрүчи-хана.

2. Квадрат с фигурой человека внутри аяк таяр — „дверь небо“ или аяк сакчым — „хранитель двери“. Это эпитет духа Кара-Адама, который является хозяином всякой двери человеческого жилья. Он же служит „обручем“, охранителем кама. Другое осмысление этой фигуры, как изображение „хозяйина порога“ — повожонның ази кара Гобш-хана — сына Кара-Адама.

Куда бы ни отправлялся шаман во время камлания, он должен заручиться согласием этого духа. Прежде чем приступить к камланию, шаман просит его помогать ему и дать своего спутника. Без разрешения этого духа шаман не рискует начать свой путь к какому-то ни было духу.

Фигура человека посреди квадрата — аяк біінің сүрү — „изображение хозяина дверей“ — нарисована белой краской.

3. Рыба — кяр-балык. Рисуете белой и красной красками. Волнистая горизонтальная красная полоска внутри должна означать ісі — „внутренности рыбы“.

¹ Прежде чем камлать к какому-либо духу, шаман должен поймать и привязать его буря, иначе может случиться, что, дойдя с большими трудностями до этого духа, шаман не застанет его дома; духи разъезжают на своих буря.

Рис. 1. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-1).

Рис. 2. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-3).

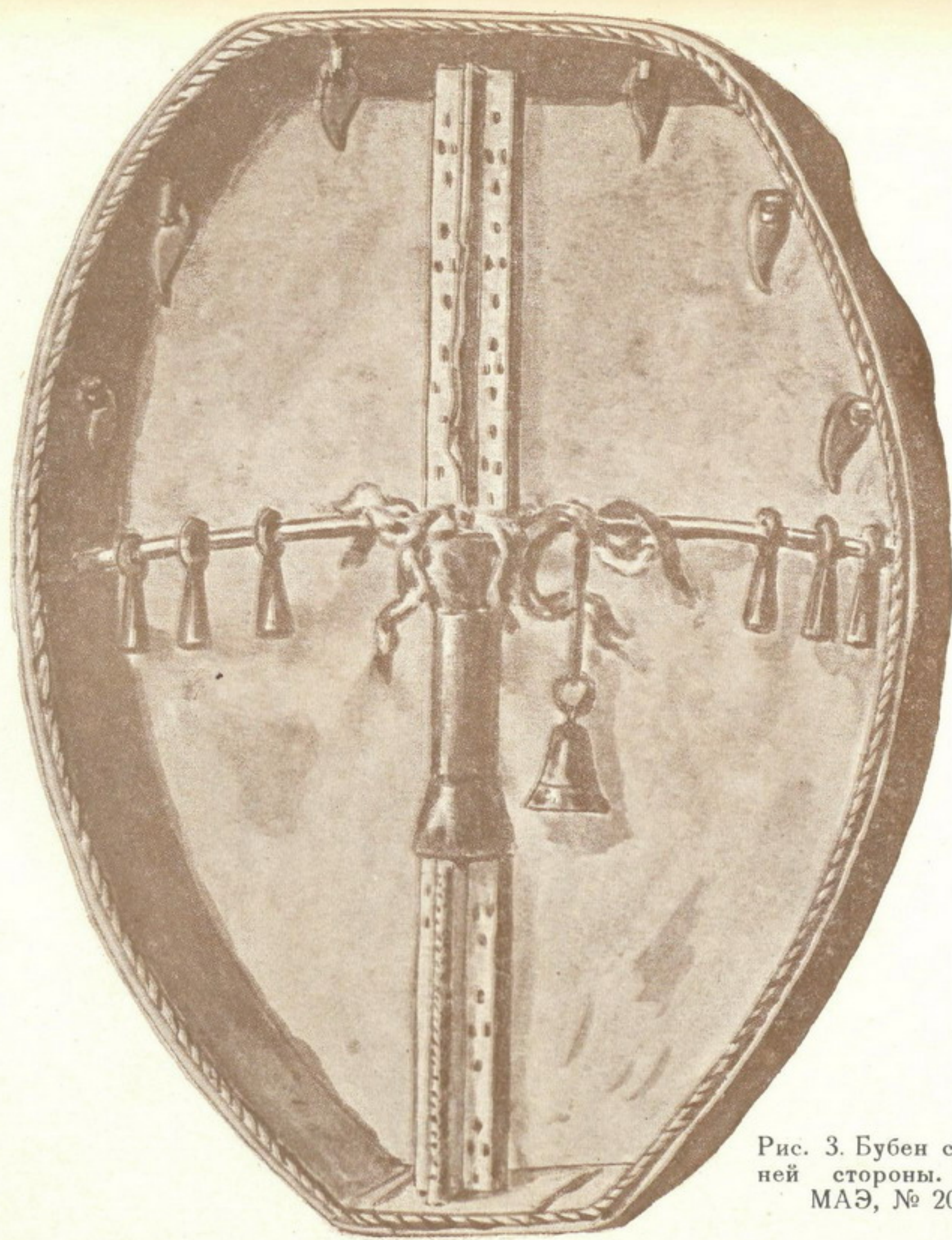

Рис. 3. Бубен с внутренней стороны. (Из колл. МАЭ, № 2014-1).

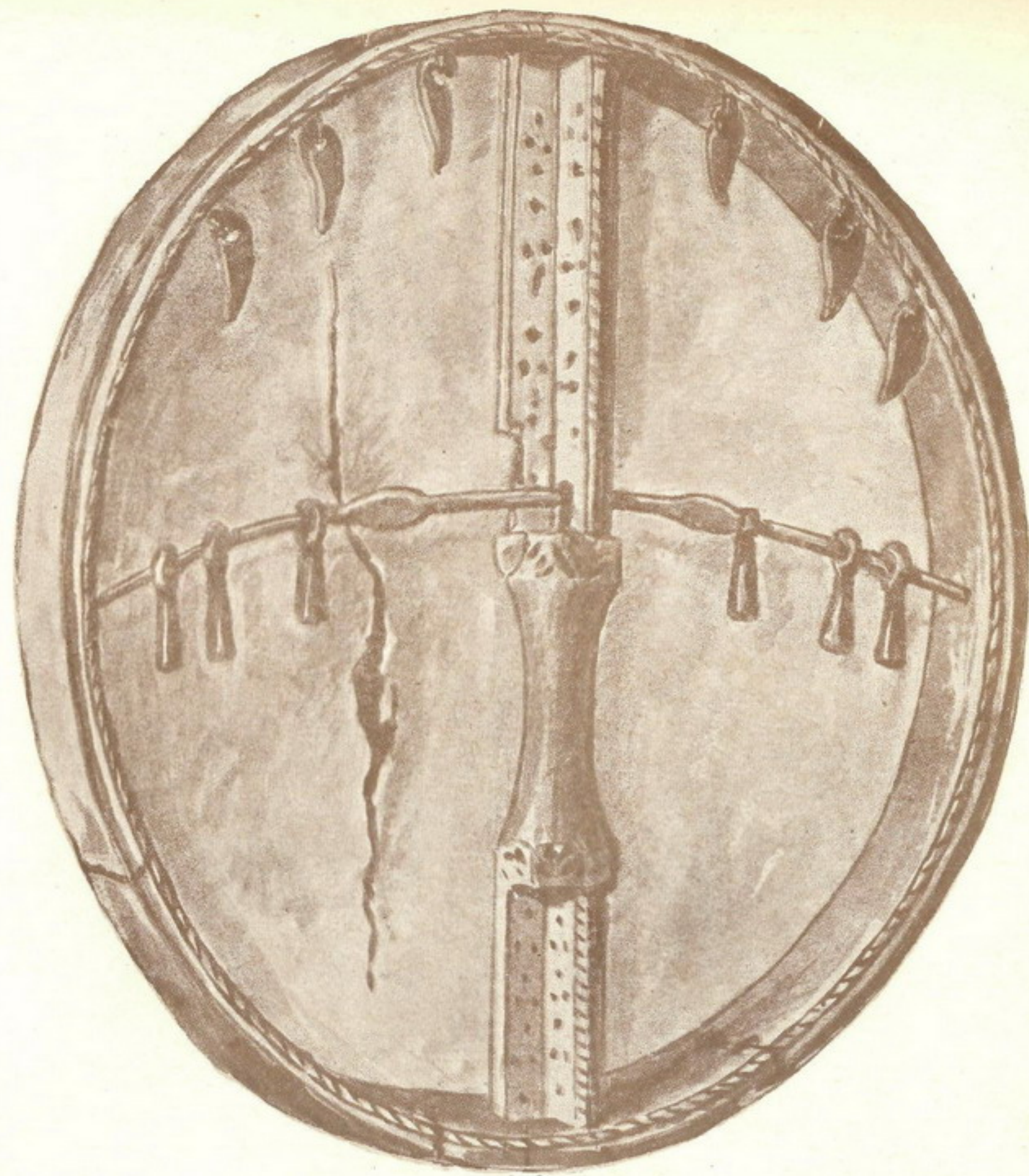

Рис. 4. Бубен с внутренней стороны. (Из колл. МАЭ, № 2014-3).

Это сын Талай хана — хана моря, одного из главных персонажей в шаманстве телеутов Талай каның улань ұзым томьы: „Кәр-балык — сын Талай хана, с беловатым ртом,¹ чудовище рыба“.² Кәр-балык — необходимый спутник шамана в его опасных путешествиях к духам. Прежде чем отправиться к земным, небесным или подземным духам, во время шаманских действий шаман призывает чудовище „рыбу Кәр-балык“ — „сына хана моря“ — Талай каның улань и, как бы опоясывается ею трижды — курчулап јат (от курчу — обруч, курчула — быть обвитым обручем).³ Отсюда этот дух имеет эпитет — „Тоң курчу — крепкий обруч шамана“.

4. Лягушка — паң, сопутствует каму во время его странствований. Она закрывает своими лапами отверстие у туяса (көнөк), чтобы не пролилась абырткы. Она поддерживает лапами көнөк, чтобы он не падал и не протекал.

5. Змея — јулаң с руками и ногами (колы, пуды) в виде полоски с шестью черточками. Нарисована черной краской. Мыслится шаманом, как „обруч земли“ — јәр курчу ақ јулаң. При камлании Мар әзі делается из теста изображение змеи и кладется под скамейкой около того места, где совершается камлание. Во время путешествия шамана, когда он встретит чью-либо затерявшуюся душу јула, змея, по приказанию шамана, прикрывает собой јула и охраняет ее от злых духов.

6. Черная полоска — јір — земля.

II

Шаман брал законченный бубен, т. е. бубен, на котором уже нанесены рисунки, приступал к первому камланию, во время которого он должен пойти с бубном к хозяину бубна Мар әзі и посетить всех духов, живущих по пути к нему. Во время этого камлания шаман должен с помощью своих духов разыскать и посетить те места, где росло срубленное для его бубна дерево, где пасся конь, шкурой которого обтянут бубен, и рассказать об этом присутствующим. Камлание с новым бубном носит название — чалу јаңырданы — „приближение к себе, присвоивание бубна“.

Для этого камлания готовились:

1. Три берестяных туяса (көнөк) абырткы.⁴ Первый туяс, самый большой, предназначался для чалу әзі, Мар әзі кан Кычкыла;⁵ туяс меньшего размера — для ак Мар'а — сына кан Кычкыла; третий туяс, самый маленький, отдавали в распоряжение

¹ томул, томды, тоңгул — по одним толкованиям означает „беловатый“, по другим — „как обрубок, усеченный, обрубленный“.

² кәр — буквально гнедой.

³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий т. II. СПб., стр. 955.

⁴ Приготавливали муку из жареного ячменя, истолченного в ступе или смолотого на мельнице. Рожь или ярицу мочили в воде, затем толкали и, выжав руками, смешивали с горячей водой. Прибавив ячменной муки, получали особый напиток „абырткы“. Старались сеять ячмень поодаль от жилища, часто специально загоразивали площадку, чтобы скот не наступал на посев. Ячмень должен быть „чистым“, никем и ничем не оскверненным, иначе духи не станут пить абырткы и разгневаются на шамана и на жертвователей. Также никто не должен был пробовать приготовленной абырткы. Вот почему во время камлания, угощая духов, шаман постоянно убеждает их в чистоте жертвенной абырткы:

Ариңдү мынаң ічкән јок әдә,
Айкту мынаң таткан јок әдә,
Мурунду мынаң ічкән јок әдә,
Јаакту мынаң тарткан јок әдә

Имеющий губы отсюда не пил,
Имеющий подбородок отсюда не пробовал,
Имеющий рот отсюда не пил,
Имеющий щеки отсюда не пробовал.

⁵ К большому туясу прикрепляют тастарда — берестяную полоску с рубчиками; она служит указанием, какому духу предназначен туяс. Прикрепляя ее к көнөк, указывают имя того духа, которому предназначена абырткы.

самого кама: из него он кропил дорогой, пока не доходил до места обитания духов как Кычкыл'а и как Мар'а, своим тѳс'ям — духам — и jиҥык'ам — хозяевам тех местностей, через которые он совершал свой путь.

2. Пять толу; толу — ношенные женские рубахи-платья, собранные на время камлания от женщин улуса, две — для куш Jālāш и три — для Кычкыл-хана.

Камлание должно было совершаться поздно вечером или ночью, обязательно при зажженном огне (огонь в печи, свеча). Продолжалось оно часов десять — пятнадцать. Шаман камлал в летнем халате, кафтани из черной материи (каптал). Опоясывался зеленой или синей опояской (не разрешается белая опояска) и повязывал голову белым или красным платком. Женщина шаманка камлала в своем обычном платье.

Прежде чем приступить к камланию с новым бубном, шаман совершает „алас“ — обряд очищения, окуривания огнем своего нового бубна (чалу алас), повешенных одежд (толу алас), самого себя (кам алас) и туясов с брагой (кѳйѳк алас).

Шаман садился в переднем углу на скамейку и брал в руки орбу и бубен и обводил вокруг них зажженным вереском — арчын ѳлѳн, произнося следующие слова:

Алас, алас, алас, алас!
Ак Ыlgāниң от алас,
Ыlgāн канның чын алас!
Алты ѳркѳштѳ ак аданды
Алты кѳстѳ ала барсты!

Одус пашту от āнā,
Кырык пашту кыс āнā,
Чиіді ползо пыжырған,
Тоңду ползо āрткāн,
Јажыл јалын кубатту,

Јажыл тюрко кјјымду,
Кызыл јалкын кубатту,
Кызыл торко кјјідбу,

Јатті түшкүн түшкүндѳ,
Јатті јакам јакандѳ,
Јатті сырык пажында,
Јатті кубат ојундѳ,
Тогус түшкүн тушкүндѳ,
Тогус јакам јакамдѳ,
Тогус сырык пажында,
Тогус кубат појунда,
Ўч ојоктың āзі,

Урѳм талдың мѳѳзі кан,

Таш очобун тудунған,

Талкан күлүн јастаңған,

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульген'я огненный алас,
Ульген'я хана истинный алас,
Над шестигорбым бубном,
Над шестиглазым пестрым барсом
(да будет)!

Тридцатиголовая мать — огонь,
Сорокаголовая девица — мать,
Сырое варящая,
Мерзлое оттаивающая,
Зеленое — переливчатое пламя ве-
селящая,

Имеющая одежду из зеленого шелка,
Красное пламя веселящая,
Имеющая одежду из красного
шелка,

На семи спусках спускающаяся,
На семи качаниях качающаяся,
На вершине семи жердей
Имеющая игру семи радостей!
На девяти спусках спускающаяся,
На девяти качаниях качающаяся,
На вершинах девяти жердей
Девять радостей у нее у самой!
Хозяйка трех камней очага — тре-
ножника,

С рогами из плетеного тальника
хан.

Владеющая (держашая) каменным
очагом,

Талкан золу под себя, как подушку,
подстилающая,

От јаказын күбүрәткән,
Одус пашту от әнә,
Ојдон камыш кулактү,

Кырык паштү кыс әнә,
Кыјдан камыш кулактү,

Ажырғызы ојмок арү,

Ажыра пілгән ојмок арү Кајракан!

Көзі јаман көргүтә,
Кууні јаман таңдатпа,

Ак јалкын тартып кәл,
Алты иродо курчап кәл,
Көк јалкын тартып кәл,
Ада болуп, ајлап кәл,
Әнә болуп курчап кәл!

Шаман кладет бубен на угол, образуемый двумя скамьями, и совершает толү алас и көнөк алас. Шаман обводит зажженным вереском вокруг көнөк'ов и толү, говоря:

Алас, алас, алас, алас!
Ак Ылгәниң от алас,
Ылгән канның чын алас!
Алты јакалу ағыр толү,
Ағын көчүн чағылып отур,
Ај оңунча пурулы отур!
Ағым марқа јајалы отур,
Тура јіктү тос көнөгүм,

Тәкildәгән бај сабам,

Ак торқа јајалы-отур,
Ај оңунча пұрулы отур,
Ак пұлутча јајлан-кір,
Әр алды-мынаң кабылы-отур,
Мәнчә болуп јајалы-отур,
Көдүрмәлү көл тәпшім,

Көк пулутча көчуп отур,
Кің оңунча пурулы отур!

Края огня заставляющая играть,
Тридцатиголовая хозяйка огня,
Имеющая уши из согнутого ка-
мыша.

Сорокаголовая девица — огонь,
Имеющая уши из кососрезанного
камыша,

Чистая Оймок (наперсток) всех
превзошедшая,

Сверх знания знающая чистая
Оймок.

Скверному глазу не показывай,
Худому намерению не давай осу-
ществляться,

Белое пламя притяни,
Шестью кругами опояшь,
Синее пламя притяни,
Отцом будучи окружи,
Матерью будучи опояшь!

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульгения огненный алас,
Ульгения-хана истинный алас!
С шестью воротами белые толү,
Белым и синим цветом сверкайся,
По луне повертывайтесь.
К белому Мар'у направляйтесь,
С поперечным швом берестяной
мой көнөк.

Покачивающаяся — богатая саба
моя,

Перед белым Мар'ом предстань!
По луне повертывайся!
Подобно белому облаку, двигайся!
Впереди меня мужа быстро мчись,
Подобно мне несись!
Мое корытце — озеро, годное для
возношения,

По синим тучам продвигайся,
По солнцу повертывайся!

Поюң алас — „алас над самим собой“. Шаман обводил зажженным вереском вокруг самого себя три раза по солнцу и обращался также к от аяй:

Алас, алас, алас, алас!

Ак Ылгәйниң от алас,
Ылгәй канның чын алас!
Кан јолына каҕылып,
Піј толына пук салтып,
Сабылтарҕа салбаҕар,

Сајбалтарҕа пәрбәгәр,
Талашканҕа пәрбәгәр,
Тартышканҕа салбаҕар!

Алас, алас, алас, алас!

Белого Ульген'я огненный алас,
Ульген'я-хана истинный алас!
По дороге хана (меня) продвигая,
По дороге начальника направляя,
Уклоняться — свернуть с пути, не
давайте,
Колебаться, качаться не допускайте!

Затем следует обращение к от аяй. Остатки угля от сожженного вереска шаман брал в рот — подразумевается, что он освящает этим „свое нутро“; затем клал обуглившийся вереск в сеяльницу, поставленную на скамейку около кӧнӧк'ов.

Шаман садился на скамейку (толу и кӧнӧк должны быть обязательно по левую руку от шамана). Он брал бубен и колотушку. Ударял несколько раз. В течение нескольких минут он пел без слов. Затем обращался к „своим“ родовым духам, — т. е. душам умерших родичей шаманов, ставших теперь духами — Тӧс'ами нового шамана. У каждого шамана свои особые духи — духи его предков шаманов. Здесь мы приводим, как образец, камлание шамана Канакая, рода јутты, которому принадлежал бубен № 2014-1.

Јардым пашкан јас ұланар,
Јардым база јунап кәлгәр!
Інім паскан әр улустар.

Інім база јунап кәлгәр!

На лопатку моего плеча наступив-
шие — молодые юноши,
Давя лопатки мои, соберитесь!
Давящие плечо мое, мужи — народ,
Наступая на плечи мои, соберитесь!

Идет перечисление всех умерших предков шаманов, начиная с того шамана, от которого новый шаман получил свой шаманский дар:

Кам Апурнак каҕылҕам,

Кам Шӧлпӧктӧҕ тартылҕам,

Кам Отконон кычырҕам,
Кам Јәрәйниң кыҕырҕам,
Кам Мыткадаң, кам Мітәмнаң
Кам Јазы — балык кыҕырҕам,

Кам Болозок тартылҕам,
Кам Сарҕадаң тартылҕам,
Кам Кобордоң кыјбурҕам,

Кам Пӧнӧк пазылҕам,
Анаң пашка кан ада...

С шаманом Апурнак'ом я сопри-
касался,

От шамана Шӧльпӧк'а я притя-
нулся,

Из-за шамана Откон'а я взывал,
Из-за шамана Ерен'я я кричал,
От шамана Митка, от шамана Митем,
Из-за шамана Язи — балык я кри-
чал,

Шаман Болонок меня притянул,
Шаман Сарга меня притянул,
Из-за шамана Кобор'а я бегал и
крутился, как вихрь,
Шаман Пӧнӧк меня давил,
Кроме них, хан-отец,

Үн салыжа кәлігәр,

Кыјгу салыжа тужугәр.

Шаман призывал двадцать семь духов јәр јол и двенадцать небесных духов пајана. Он звал их и просил ему сопутствовать и помогать.

Начало призывания шамана варьирует в зависимости от того, весной или осенью происходило камлание.

В том случае, когда шаман получал новый бубен весной, он начинал обращение к духам следующими словами:

Ајдың ползо, арұнда,
Күннұң ползо, көркүндә,
Јылдың бажы ајланғанда,
Јылан бажы соҗылғанда,
Амәл ағаш пұр алғанда,

Аәк куук кыҗырғанда,
Јәр јарылып көк чыкканда,

Ағаш јарылып пұр чыкканда.

Когда камлал осенью, то говорил:

Коңур малдыј,
Коңур күстә,
Комурғај пажы кужалғана,

Кү олоң пажы шужалғанда,
Ағын суум кабышканда,

Ак тајка пұрун кар алғанда.

Шаман обращался к двадцати семи јәр јолу пајана — духам земного пути:

Ур сомҗо ојноҗон,
Пај чалға турлаған,

Кан јәрін минәттү,

Јалбак тәмір јарынду,

Тулку тәмір өзүнду,

Откликаясь на (мой) голос, приходи-
дите,

Откликаясь на зов, спускайтесь!

При полной луне,
При сиянии солнечных лучей,
Голова года когда повернулась,
Когда змея сбросила свою кожу,
Когда плодовые деревья покры-
лись листьями,
Когда кукушка закуковала,
Когда земля раскололась и пока-
залась зелень,
Когда деревья расщепились и поя-
вились листья.

В подобную кауруму коню,
В смуглую бурую осень,
Головы дудок борщевника когда
измялись,
Головы трав когда съезжились,
Когда текущая вода моя сковалась
льдом,
Когда на склон тайги пал снег.

1

На тяжелых сом'ах¹ играющий,
На богатой березе имеющий место
обитания,
Ездящий верхом на кроваво-рыжем
коне,
С лопатками из широкого — пло-
ского железа,
Имеющий круглую железную грудь,

¹ Сом или чал — молодые березки, которые телеуги ставят около своих домов в начале лета, в честь пяти наиболее уважаемых ими духов Јәр јол: Тәмір-кан'а, Аркәј-кан'а, Орто-хана, Куркај-хана и Јөб-кан'а. Отсюда эти духи, помимо общего названия јәр јол, носили еще название „сом“.

Сум кара таш жүрәктү,

Сунама тәмір јаакту,
Онча поյы сун тәмір,
Адам тәмір кан, Кајракан!
Кан үлүжү канға јәт,
Пү үлүжү кјгә јәт!

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа кәлігәр,
Кыјы салыжа түжүгәр!
Тәмір канның уланы,
Тәмір үзүңә тажа тәпкән,

Тәрлү атка пу пәрбәгән,

Тәмір уја суј тарткан,

Тәмір така пөрүк кјгән,
Јәләм кјжә сәс пәрбәгән,

Адар октуң мәргәні,
Ајдар сөстүң чәчәні,
Албјртисә әр төспөгөн,

Јалбыртына мал төспөгөн,
Каным әркәј кан, Кајракан!
Піј үлүжү пігә јәт,

Кан үлүжү канға јәт!

Имеющий сердце из чистого —
сплошного черного камня
Со щеками из продольного железа.
Сам из чистого сплошного железа
Отец мой железный хан уважаемый.
Доля хана до хана пусть дойдет,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

2

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Железного хана сын,
Железное стремя ногой пробиваю-
щий,
Потному коню не дающий привязи
(не даешь выстояться).
Когда железный лук натягиваешь,
он ломается,
Железную шапку „така“ носишь,
Какому попало человеку говорить
не даешь (слова не даешь),
Пущенной стрелы меткий стрелок,
Произносимых слов красноречивый,
При его движении мужи не могут
устоять,
Вида его не может скот вынести.
Мой Кан Еркей — хан уважаемый!
Доля начальника — пусть началь-
нику достанется!
Доля хана — пусть хану достанется

3

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
[Там, где] красные пески разбро-
саны,
Красная бура неуклюже ступает,
[Там, где] серые пески раскинулись
Серая бура прямо не идет,
Семи железных листовниц вер-
шины,

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа кәлігәр,
Кујбу салыжа түжүгәр!
Кызыл кумак јајылған,

Кызыл буралар бајбырған,
Пөс кумак јајылған,
Пөс буралар бајбырған.
Јәтти тәмір тыт пастары,

Пүрә тартып уја јажанған,

Куш әнәзи Курғай кан.

Кан үлүжү канға јәт,

Піј үлүжү піјгә јәт!

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,

Кыјбы салыжа түжүгәр,

Јажым мүүс тајакту,

Јажыл кііс төжөктү,

Јажыл буға мінәттү,

Јажыл тібәк тіскіндү.

Кызыл мүүс тајакту,

Кызыл кііс төжөктү,

Кызыл пура мінәттү,

Кызыл тібәк тіскіндү.

Кызыл пура пајбырған,

Кызыл кумак тогүлгән,

Пөс пүраны пајбарған,

Пөс кумағы тогүлгән,

Кытај јәрін кәдырған,

Кыргыз јәрі тәжәлү.

Каным Мордок кан, Кайракан!

Пү үлүжү піјгә јәт,

Кан үлүжү канға јәт.

Согнув и соединив, гнездо себе
свила

Мать птиц Кургай-хан.

Доля хана пусть достанется хану,

Доля начальника пусть начальнику
достанется!

4

Кроме того, хан отец...

Откликаюсь на (мой) голос, придите.

Откликаюсь на зов, спуститесь!

Имеющий посох из зеленого рога,

Имеющий постелью зеленую кошму,

На зеленом быке ездящий,

Имеющий поводья из зеленого
шелка,

Имеющий посох из красного рога,

Имеющий постель из красной кошмы,

На красном быке верхом ездящий,

Имеющий поводья из красного
шелка,

Красными бура'ми ты управляешь,

[Там, где ты живешь] красные пески
насыпаны,

Серыми бура'ми ты управляешь,

[Там, где ты ступаешь] серые пески,
насыпаны,

Китайская земля там опустошена,

На грани Киргизской земли (ты
живешь),

Хан мой Мордок — кан Кайракан!

Доля начальника пусть дойдет до
начальника

Доля хана пусть достанется хану!

5

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,

Кыјбы салыжа түжүгәр,

Ај чыкпастаң ај чығарған,

Ајлу әлчә пілчі салған.

Күн чығарбастан күн чығарған,

Кроме того, хан отец...

Откликаюсь на (мой) голос, придите,

Откликаюсь на зов, спуститесь!

Там, где не должна была взойти
луна, заставил ее взойти,

Живущему под месяцем народу —
мудрость дал,

Там, где не должно было взойти
солнцу, заставил солнце взойти,

Күндү алга пілчі салған,
Ај тәңісті пыжыған,

Ак тәрәгін тәскәрі туткан,
Чар тәрәгін тәскәрі туткан,

Адам соо кан, Кайракан!
Кан үлүжү канға жат,
Піј үлүжү пігә жат.

Живущему под солнцем народу
знак — мудрость предопределил,
Лунное море взбалтывая — взвол-
новал,
Белую пену взметнул,
Могучий тополь взворотил и кор-
нями вверх поставил,
Отец (мой) Соо-кан, Кайракан!
Доля хана пусть дойдет до хана,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

6

Анаң пашка кан ада...
Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа тужүгәр!
Ўч тәмір тыт пастарын,
Пүрә тартып уја тартынған,
Тәкаләрі тәңарі тірәп,
Пукалары јәр тәрәгән,
Куш әнәзі Кылу-кан,
Кура тарткан ачыј кан,
Піј үлүжү пігә жат,
Кан үлүжү канға жат.

Кроме того, хан отец,
Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на зов, спуститесь!
Вершины трех железных листовниц
Пригнув, гнездо себе свила,
Козлы (горные) ее подпирают небо,
Быки ее в землю упираются,
Мать птиц Кылу-хан,¹
Спесивая Ачий-кан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется

7

Анаң пашка кан ада...
Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа тужүгәр,
Алтон тајка ажылу,
Јаттан тајка кәчүлә,

Салам тајка ажылу.

Алтон чардың тәразін.
Ај чадырға тудунған,
Јаттон чардың тәразін,

Кроме того, хан отец,
Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на зов, спуститесь,
Шестьдесят гор переходящий,
Через семьдесят гор переваливаю-
щийся,
Имеющий местом перевала гору
Салам,
В шестьдесят бычьих шкур
Месяц обернувший,
Семьдесят бычьих шкур

¹ Кылу-хан или Курдә-хан, заведывал птицами ак үлгәнің чамдыл куштар, кото-
рых, шаман встречал на пути к духу Јаңыс сом'у.

Кун чадырға тудунған,
Ак чалдарда минәттү,

Ајғыр јалду Кірбі-кан!
Кан үлүжү канға јәт,
Піј үлүжү піјгә јәт.

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Кыјбы салыжа тужүгәр,
Ак јайыкта сузатту,

Танај көлдә ордолу,

Малкылдаған Көлдү-кан,

Каркылдаған Кушту-кан,
Парс тәразі тон кижән,
Парстаң чоккур ат мингән,

Ана́м мајбыл, Кајракан!
Пү үлүжү піјгә јәт,

Кан үлүжү канға јәт!

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Кыјбы салыжа тужүгәр!
Јылкылуда јылмај кан,
Мал кадарған таңзыр кан!
Кан үлүжү канға јәт,
Піј үлүжү піјгә јәт!

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Кыјбы салыжа тужүгәр,
Јәрім суум а́дәң,
Јотгон ала суум а́дәң,

На солнце растянувший,
Ездящий верхом на бело-игреневом
коне,

С гривой жеребца Кирби-хан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

8

Кроме того, хан отец...

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на зов, спуститесь,
Из белого разлива (јайык'а) имею-
щая питье,

На озеро Тана́й имеющая стоянку
(берлогу),

Имеющая прозрачное — колеблющее
озеро, хан,

Имеющая каркающих птиц, хан,
Одевшая шубу из шкуры барса,
Ездящая верхом на коне, более
пестром, чем барс,

Мат Майгыл Кайракан!

Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется.

9

Кроме того, хан отец...

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на зов, спуститесь!

Для табуна конейты Јылмайх-ан,
Пасущий скот Манзыр-хан!

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

10

Кроме того, хан отец...

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на зов, спуститесь!

Моя вода и земля ты есть,

Ты есть семьдесят моих гор,

¹ Кірбі-хан носил еще имя Јаңы сөм. Этого духа телеуты считали чужим, ставя ему березку поодаль от пяти берез, поставленных для своих близких духов. Духа этого рассматривали как злого, ему приписывали насылание на людей болезней.

Ўссўн жаның көк палат,
Жаттон кижі тајакту,

Көк саак пөрүк кийбән
Көк пос адан жаратка'н,
Көк пөрүдә јөлөктү,

Көк Уләндә жаргылу.

Алдың жаның ак палат,
Алтон кижі јөлөктү,

Ак пос адын жараткан,
Ак саак пөрүк кийбән.
Ал пөрүдә јөлөктү,
Ак Ыгәндә жаргылу,
Адам пөрүчи кан, Кайракан!
Піј үлүжү пүчә јәт,

Кан үлүжү канға јәт.

Вверху у тебя синие палаты,
Посохом — опорой служат тебе
семьдесят человек,
Одевший синюю шапку „саак“,
Выбравший себе сине-сивого коня,
Имеющий опорой синего волка
(ездящий на синем волке),
Получивший решение у синего
Ульгения,
Внизу у тебя белые палаты,
Опорой твоей служат шестьдесят
человек.
Бело-синего коня снарядивший,
Белую „саак“ шапку надевший,
На пестрого волка опирающийся
Имеющий приказ от белого Ульгения
Мой отец Пөрүчи-хан,¹ Кайракан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется.

11

Анаң пашка кан ада...

Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа тужугәр,
Алтын коңру кагышкан,
Адыш кујбан Алтай-Кан!

Күмүш коңру кагышкан, .

Күрәш кујбан, Алтай-Кан!

Алтын туда ордолу,

Алтын көлдө субатту,
Каным болзо Алтай-Кан, Кайракан!
Кан үлүжү канға јәт,
Піј үлүжү піјзә јәт!

Кроме того, хан отец...
Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на зов, спуститесь!
Золотыми колокольцами звенящий,
Мужественный (преследующий
стрельбу) Алтай-хан!
Серебряными колокольчиками зве-
нящий,
Бесстрашный (борьбу преследую-
щий) Алтай-хан!
Имеющий жилище свое на золотой
горе,
Имеющий питье из золотого озера,
Мой хан-Алтай, Кайракан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

¹ Пөрүчи-хану телеуты поручали охрану своих табунов. Пөрүчи-хан управляющий волками, хан — владетель волков. Легенды связывают имя этого духа с волчицей (пөрү — 'волк').

12

Анан пашка кан ада...

Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәрі!
Алтај канның адазы,
Алтын тууда ордолу

Үч алтын көл суғатту,

Үч әжіктү Ылбүк-Кан!
Піј үлүжү пігә јәт,

Кан үлүжү канға јәт!

Анан пашка кан ада...

Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәрі
Ылбүк канның адазы,
Алты мыык санду,
Ат көдүрбәс Пүдај-Кан,

Тіл пілішпәс Моңур-Кан!

Кан үлүжү канға јәт,
Піј үлүжү пігә јәт!

Анаң пашка кан Ада...

Ўн салыжа кәлігәр,

Кыҗы салыжа түжүгәр,
Агаш талку әзі,
Адам Пөрүчи-Кан, Кайракан!
Ак пос адын јараткан,
Ак Ылгәндә јарғылу;
Көк-пос адын јараткан,
Көк Ылгәндә јарғылу.
Ак каак пөрүк кјгән,
Аҗыл Пөрүчи-Кан, Кайракан!

Піј үлүжү пігә јәт,
Кан үлүжү канға јәт!

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!

Отец Алтай-хан,
Имеющий местообитания (берлогу)
на золотой горе,

Имеющий водопой на трех золотых
озерах,

Имеющий при двери Ыльбүк-хан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется!

13

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!

Отец Ульбүк-хана,
Шесть дойных зверей имеющий,
Пуудай-кан, которого конь не может
поднять,

Не имеющий ни с кем общего
языка Моңур-кан!

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

14

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, при-
дите,

Откликаясь на зов, спуститесь!
Хозяин деревянной талку,
Отец мой Пөрүчи-кан-Кайракан!
Бело-сивового коня выбравший,
По определению белого Ульгения;
Сине-серого коня выбравший,

По определению синего Ульгения;
Белую шапку „каак“ носящий,
Мой отец Пөрүчи-хан!

Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется.

¹ Пөрүчи — ловец, управитель, владелец волков

15

Анаң пашка кан ада...
 Ын салыжа кәлігәр,
 Кыҗы салыжат ўжўгәр,
 Јал јўракчә јалду кан,

Јарыш ајмаш окту кан,

Күл јўракчә јалду кан,
 Күрәш ајмаш окту кан,

Ала шакка ат мингән,
 Ала шармат тон кижән,
 Ала јымырт тајакту,

Ајбыр күзән камчылу,

Тәмір. талку әзі,
 Адабістің уланы,
 Адам Шағај, Кајракан!
 Кан үлүжү канға јәт,
 Піј үлүжү пігә јәт!

Анаң пашка кан ада...

Ын салыжа кәлігәр,
 Кыҗы салыжа тўжўгәр,
 Ај каразы јорукту,

Ају пашмак өдүктү,
 Тўн каразы јорукту,
 Түктү пашмак өдуктү;
 Алтон ају тәразі

Ајак учка јәтпәјтән,
 јәттон ају тәразі,
 Јаң учуна јәтпәјтән,
 Кәрә сөм азулу,

Кәзік пычкак тырмакту,

Кроме того, хан отец,
 Откликаюсь на (мой) голос, придите,
 Отзываясь на зов, спуститесь.
 Имеющий гриву размером с сердце,
 хан,
 Имеющий боевую ступню (способную состязаться в бегах и схватках),
 Имеющий гриву с сердце,
 Имеющий быструю стрелу для битв,
 Ездящий на пегом чубаром коне,
 Одевший клетчатую шубу,
 Имеющий посох из пестрой черемухи,
 Имеющий плетъ из шкуры самца хорька,
 Хозяин железной талку,¹
 Отца нашего Адама сын,
 Отец мой Шагай-Кайракан!
 Доля хана пусть хану достанется
 Доля начальника пусть начальнику достанется.

16

Кроме того, хан отец...
 Откликаюсь на (мой) голос, придите,
 Откликаюсь на зов, спуститесь,
 Имеющий промысел на ущербе месяца,
 Имеющий сапоги из медвежьих шкур,
 Имеющий промысел в темноте ночи,
 Имеющий шерстистые сапоги;
 Шестидесяти медвежьих шкур (тебе)
 до конца ноги нехватает,
 Семидесяти медвежьих шкур
 Нехватает тебе на рукава.
 Коренной зуб у тебя с четверть,
 Когти у тебя с отрубленные ноги —
 (кисы),
 Родившийся наделенный большей силой, чем его отец.

¹ Талку — это колодка, в которую заковывали наказываемых.

Адазынаң күчтү туған,
Адам күчтү, Кайракан,

Үч әжіктү кара Гөбш-Кан!
Кан үйүжу канға јәт,

Піј үлүжү пігә јәт!

Анаң башка қан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Кыҕы салыжа түжүгәр!
Јәр пүдүрбә пүткән кан,

Јас кобордо коркон кан,

Үлгән-мынаң үзүлү,
Јүс-мынаң јарғылу

Улу көрүк пазылған,

Сун молоток қабылған,
Сү көрүгү созулған,
Улу көрүк пазылған,
Улу завод соғулған,
Үлгән әжік Казыр-Кан,
Үч әжіктү Кара-Адам!
Піј үлүжү пігә јәт,

Кан үлүжү канға јәт!

Сильный отец мой-Кайракан,
Имеющий три двери черный Гөбш-хан!

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется

17

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на зов, спуститесь!
Прежде, чем сотворилась земля,
создавшийся хан,
До того, как образовалась медь,
образовавшийся хан,
Имеющий связи с Ульгеном,
Входящий в число двадцати семи
духов „јәр — јол“,
Нажимаемый — надавливающий ве-
ликий мех,
Ударяющийся молот,
Водяной мех растягивающийся,
Великий мех надавливаемый,
Великий завод сооруженный,
Ульгения дверь Кагыр-хан,
Имеющий три двери Кар-Адам!
Доля начальника пусть начальнику
достанется.
Доля хана пусть хану достанется!

18

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа кәлігәр,
Кыҕы салыжа түжүгәр,
Болот кылыш бај бирған,
Јуда бажын мајтарған,
Појтојдың піјін мокорған,
Јуда бажы јыш полған.
Кіжі јүзү өрт полған,
Кастактары канға күйгән,
Јәбәләрі јінгә кіргән,

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь,
Стальным мечом владеющие,
Концы пик притупившие,
Начальника Бойдоя покорившие,
Концы пик были как тайга,
Лица людей были как пламя;
Стрелы их горели в крови,
Наконечники стрел горели в сукро-
вице.

Кажат јӓргӓ ојун салған,
 Катӹ таштан кујак салынған,
 Кара таштаң уја тартынған.
 Тумӓн тӓлӓңӓт чыккан јӓр!

Кандар пӓјлӓр, Кајракан!
 Кан ӱлӱжӱ канға јӓт,
 Пӓј ӱлӱжӱ пӓјгӓ јӓт!

Анаң пашка кан ада...
 Ӱн салыжа кӓлігӓр,
 Кыҗы салыжа тӱжӱгӓр!
 Суу солоңы соболаңон,
 Сӱ ӓнӓзи Сулай-Кан!
 Кӧбӱктӱдӓ Кӧлбӧј-Кан,
 Балыктӱда Болој-Кан,
 Чыҗытӱда Чымај-Кан,

Јӧттӓ кыҗычак кыҗылған.
 Тал таптылу Талај-Кан!
 Пӓј ӱлӱжӱ кӓјгӓ јӓт,

Кан ӱлӱжӱ канға јӓт!

Анаң пашка кан ада...
 Ӱн салыжа кӓлігӓр,
 Кыҗы салыжа тӱжӱгӓр!
 Јаҗык тӱбӱн јајақан,
 Тӓңіс тӱбӱн тӓнсӓгӓн,
 Талај канның ӱ ланы
 Ӱзӱ томул кӓр балык,

Ар бојумның тоң курчӱм!

Кан ӱлӱжӱ канға јӓт,
 Пӓј ӱлӱжӱ пӓјгӓ јӓт!

Устроившие игру на холмистом
 месте,
 Из твердого камня кольчугу на себя
 возложившие,
 От твердого камня происхождение
 имеющие!
 Земля, откуда вышло множество
 телеутов!
 Ханы, начальники уважаемые!
 Доля хана пусть до хана дойдет,
 Доля начальника пусть до началь-
 ника дойдет!

19

Кроме того, хан отец,
 Откликаюсь на (мой) голос, придите,
 Откликаюсь на зов, придите!
 Бьющаяся о воду радуга,
 Мать вод Сулай-кан!
 В пенистых водах Кольбӧј-хан,
 В водах, полных рыбы, Балай-хан,
 Там, где скопается влага, Чымай-
 хан,
 Крутящийся в семи водоворотах,
 Имеющий тапты-тал Талай-хан!
 Доля начальника пусть до началь-
 ника дойдет,
 Доля хана пусть до хана дойдет!

20

Кроме того, хан отец...
 Откликаюсь на (мой) голос, придите
 Откликаюсь на зов, спуститесь!
 Дно разлива качающий,
 Дно океана колеблющий,
 Сын Талай-хана — моря-хана.
 С усеченным ртом чудовище —
 рыба,
 Меня мужчину опоясывающий креп-
 кий обруч!
 Доля хана пусть достанется хану,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

21

Анаң пашка кан ада...

Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр!
Одус пашту от әнә,
Кырык башту кыс әнә,
Чыјді ползо, кыжырбан,
Тоңду ползо, әріткән!
Ада болуп сыккан кан,

Әнә болуп камышкан кан!

Жаһыл жалын кубаттү,
Жаһыл торко кижімдү,

Кызыл жалын кубаттү,
Кызыл торко кижімдү!

Јатті түшкүн түшкүндү
Јәтті јакам јакамдү,
Јатті сырык пажында,
Јәтті кубат ојынду,
Тогус јакам јакамду,
Тоғус түшкүн түшкүндү,
Тогус сырык пажында,
Тогус сырык пажында,
Уч очоктың әзі,

Ўрүм талдың мұзі
Таш очобун салынған,
Талкан күлүн јастанған,
От јаказың ојноткон,
Күл јаказын күбүрәткән,
Одус пашту от әнә,
Ојзон каныш кулакту,
Кырык пашту от әнә,
Кыҗан камыш кулакту.
Ажырбызы ојмок әру,
Ажыра билгән ојмокару, Кајракан!
Піј үлүжү пігә јәт,

Кан үлүжү канға јәт!

Кроме того, хан отец...

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на зов, спуститесь!
Тридцатиголовая огонь мать,
Сорокаголовая девица мать,
Сырое варящая,
Как мерзлое оттаивающая!
Отцом будучи, огонь высекающий хан,

Матерью будучи, зажигающий хан!
Зеленое пламя веселящая,
Имеющая одежду из зеленого шелка,

Красное пламя веселящая,
Имеющая одежду из красного шелка,

На семи спусках спускающаяся,
На семи качаниях качающаяся,
На вершинах семи жердей,
Имеющая семирадостную игру,
На девяти спусках спускающаяся
На девяти качаниях качающаяся,
На вершинах девяти жердей
Девять радостей имеющая.

Хозяин трех очагов — треножника
С рогами из плетеного тала,
Каменный очаг на себя возложившая,
Толкан золу под себя подстелившая
Края огня заставляющая играть,
Края золы разрыхляющая,
Тридцатиголовая огонь мать,
С ушами из согнутого камыша,
Сорокаголовая девица мать,
С ушами из кососрезанного камыша,
Все превосходящая Оймек чистая.
Мудрейшая Оймек ару-кайракан!

Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется!

22

Анаң пашка кан ада...

Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр!

Кроме того, хан отец,

Откликаюсь на (мой) голос, придите
Откликаюсь на зов, спуститесь!

Ары мардың ак тайлік,
 Ак пос адын жараткан;
 Көгү мардың көк тайлік,
 Көк пос адын жараткан;
 Көк марын таңаған,
 Көдү марын тудуған,
 Ак аданың әзі,
 Ак мардың ак тайлік,
 Аңыр жалду кыс жалай!
 Кан үлүжү канға жат,
 Піј үлүжү піјгә жат!

Анаң пашка как ада...
 Ү салыжа кәлігәр.
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Алтын өркөштү ак аданың әзі,
 Ала барстың сүрмәді,
 Ак мардың адазы,
 Аңыр жалду Кан-Кычкыл!
 Піј үлүжү піјгә жат,

Кан үлүжү канға жат!

Анаң пашка кан ада!
 Үн салыжа кәлігәр,
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Алтын сөмннің адазы,
 Үр сөмннің әзі!
 Бај чалға сурлаған,
 Үч таңара тәбилгән,
 Тәмір капкак кабылған,
 Таңдак пазылған,
 Алтын параты ачыл-жабылған,

Алды сөңгү сайлаған,
 Куштун сөңгү кужалған,
 Кушкачак өтпәс куба чөл,

Саңыскан өтпәс сары чөл!

Чистого мар'а белый конь (тайлык).
 Бело-сивого коня снарядил в путь;
 Синего мар'а синий конь (тайлык).
 Сине-серого коня снарядил;
 На белый барс (мар) опирающийся,
 Синий мар (барс) держащий,
 Белого бубна хозяин,
 Белого мар'а белый конь (тайлык)
 С гривой жеребца девица телес!
 Доля хана пусть достанется хану,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

23

Кроме того, хан отец,
 Откликаюсь на (мой) голос, придите,
 Откликаюсь на зов, спуститесь!
 Хозяин белого бубна о шести горбах
 Пестрого барса изображение,
 Белого мар'а отец,
 С гривой жеребца хан-Кычкыл!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

24

Кроме того, хан отец!
 Откликаюсь на (мой) голос, придите,
 Откликаюсь на зов, спуститесь!
 Отец золотых сом'ов,
 Тяжелых сом'ов хозяин,
 На богатых берегах (блистающий) —
 сверкающий!
 Трое небес тобою протопнуты,
 Железную крышку хватающий,
 На зарю наступающий!
 Золотые ворота открываются и за-
 крываются,
 Кости диких зверей рассыпаны
 Кости птиц сокрушены,
 Бледная степь, через которую про-
 летит пташка,
 Желтая степь, через которую про-
 летит сорока!

Аттар ашпас ај муус,

Ак чалдарда мінәтү,
Ајыыр жалду јөө-Кан!
Кан үлүжү канға јәт,
Піј үлүжү піјгә јәт!

25

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Кыҗа салыжа тужүчәр!
Äl änäz Äңkäj-Кан,
Äki közin чаҗылған,
Јәр түнүктің äzi-Кан!
Піј үлүжү піјгә јәт!

Кан үлүжү канға јәт!

26

Анаң пашка кан ада!

Үн салыжа кәлічәр,

Кыҗы салыжа тужүгәр!
Анаң јадып јајајтан,
Анаң јадып тәмдәјтән,
Ончолордың пашчызы,
Толојлордың кіндігі!
Казы карта баркызың,
Кара аракы суадың!
Кулаш полҗон окту кан!

Рогообразная гора, через которую
конь не перейдет!

На бело-игреневом коне едущий,
С гривой жеребца јөө-хан!¹

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

Кроме того, хан отец...

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на мой зов, спуститесь!
Мать народа, Енкей-хан,²

С двумя сверкающими глазами,
Земной щели — тюнюк'а — хозяйка!
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

Доля хана пусть хану достанется!

Кроме того, хан отец!

Откликаюсь на (мой) голос, при-
дите,

Откликаюсь на зов, спуститесь!

Лежа сотворяющий,

Лежа устремляющий к жизни,

Всего глава,

Всех и всего пуловина!

Опохмеляешься жиром сычуга,

Пьешь черную водку!

Имеющий стрелу в сажень хан!

¹ јөө-хан, по представлению телеутов, жил где-то за горизонтом — «за утренней зарей» — за тем местом, где небо упирается в землю. Небо через определенные промежутки времени то опускается, то поднимается.

Когда шаман камал јөө-хану, он должен пройти с жертвой через основание неба — таңһар тәуһ' одүчүкјат — успеть пройти, иначе его придавит вечно находящийся в колебании и ритмичном движении небесный свод. У этого опасного прохода лежат груды костей погибших, прихлопнутых здесь зверей и птиц. Земля, находящаяся за пространством, простирающимся за таңһар тәуһ, т. е. за основанием неба, носит название чын јәр — истинная земля.

² Äңkäj-хан — живет по пути к јөө-хану у јәр јарыңы земной щели или јәр кіндігі — у «пупа земли» или јәр түнүгі «земного отверстия» (түнүк — дымовое отверстие юрты, дымоход жилища).

Курдак јатпәс пәлдү кан,

Кучак јатпәс мојынду,
Курчаңа түшкән сағалду.

Канға чапкан чырајлү,
Карыш камакту Кан-Әрлік!
Кара кумдус төжөктү,
Кара мыйык сағалду,
Кәр кумдус төжөктү,
Кәр мыйык сағалду,
Кара арғымак минәтү,
Кара пулут ојонду,
Кәр арғымак минәтү,
Кәсмәк пулут ојунду.

Кара килің тон кижән,
Кәр арғымак ат мингән,
Кәр килің тон кижән,

Кәр арғымак ат мингән!
Јанду суруң јәр јайкар,

Јаак сағалың төш јайкап,

Әндү сууруң јәр јайкап,

Әак сағалың төш јайкан,
Әндәрбісті әндәргән,
Әрлік адам үч поокту!
Поок торбосту поокторбон,

Пурул адам үч поокту!
Кан үлүжү канға јат,
Піј үлүжү піјгә! ат!

Затем шаман призывал двенадцать брөгү (брөгі) или бајана — небесных духов.

1

Алты катта ај ада!
Паш катта күн әнә!

Имеющий поясницу, для которой
нехватит никакой опояски
Имеющий шею, которую не охватить,
Имеющий бороду, доходящую до
пояса,

Имеющий румяное лицо,
Имеющий лоб в четверть хан-Ерлик!¹
Имеющий постель из черного бобра,
Имеющий бороду из черной шерсти,
Имеющий постель из гнедого бобра,
Имеющий бороду из гнедой шерсти,
Ездящий на черном иноходце,
Играющий черными тучами,
Ездящий на гнедом иноходце,
Играющий с кучевыми — (черноватыми) тучами,

Одевший шубу из черного бархата,
Ездящий на черном иноходце;
Одевший шубу из коричневого
бархата,

Ездящий на карем иноходце!
Круп твой с выдающимися боками
качает — колыхает землю
На щеках борода твоя колыхает
грудь.

Того, кто ни перед кем не сгибался,
Заставивший согнуться,

Отец Ерлик трехзобый,
Того, кто никогда не сгибался, за-
ставивший согнуться,
Отец мой Бурул трехзобый.
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

На шестом слое неба отец месяц
На пятом слое неба мать солнце!²

¹ Ерлик или, как его чаще называли, Адам (т. е. мой отец) пользовался особым почитанием у телеутов. Он жил на чін јәр — истинной земле, далеко за пределами таңар төзі за основанием неба.

² См. рисунок на бубне, рис. 8, 1, 2, стр. 110.

Ўч катта а́нәм Поғош, Кајракан!

Төрт катта а́нәм јајучы Тәңәрә!

Кан үлүжү канға јәт,
Піј үлүжү піјгә јәт!

На третьем слое неба мать моя
Погош, Кайракан.

На четвертом слое неба мать моя
творец неба!¹

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

2

Анаң пашка кан ада!
Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр!

Азәрә пулут әуактү,

Јажыл пулут јакалу,
Јәттү тапты таптадан,
Јәттү катта кунду,

А́нәм мәргән тәңәрә!

Піј үлүжү піјгә јәт,

Кан үлүжү канға јәт!

Кроме того, хан отец!

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь!

По́лы (одежды ее) — кучевые
облака,

Ворот ее — зеленое облако;

На седьмую тапты — наступающая!

Имеющая место игры на седьмом
слое небес,

Мать моя Мерген небо — Мерген
теңерә!

Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется!

3

Анаң пашка кан ада...

Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр!

Сәгіс катта ојунду,

Сәгіс тапты таптадан,
Шарт аҗабкан пәттү кан.
Чағыр јалдыс көстү кан,
Ајас көстү Чағыр-Кан,

Пулут пәттү Бүра-Кан,
А́нәм Бура тәңәрә!

Кан үлүжү канға јәт,

Піј үлүжү піјгә јәт!

Кроме того, хан отец!

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь!

На восьмом слое неба имеющая
место игры;

На восьмую ступень наступающая,

Лазурь небес — лицо его,

Звезды чагыр — глаза его,

С ясными сверкающими глазами
Чагыр-хан,

С видом как облако, Бура-хан,

Мать моя Бура — небо!

Доля хана пусть хану достанется,

Доля начальника пусть начальнику
достанется!

¹ Јајучы-хан — творец. она творит кит — души детей.

4

Анаң пашка кан ада...

Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр,
Тоғус тапты тапталған.
Тоғус катта ојунду,

Пај караҗај таптылу,

Пала кузук сүдәрлү,

Ак чударға киймәү,
Ак пәс пүра минәттү.
Алты тәңәра адазы,
Алты өркөштү адам Абајош тәңәрә!

Піј үлүжү пігә јәт,

Кан үлүжү канға јәт!

Анаң пашка кан ада!
Ўн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр!
Тоғус тапты тапталған,
Тоғус катта ојунду.

Јажыл-пура минәтү,
Јажыл јібәк тискіндү,
Јажыл пулут өргөштү,

Јажыл солоңы тајакту,
Кызыл пура минәтү,
Кызыл јібәк тискіндү,
Кызыл пулут өркөштү.
Кызыл солоң тајакту.
Адам Кызыған тәңәрә!

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь,
Наступающий на девятый тапты,¹
Имеющий игру на девятом слое
небес,

Имеющий своей тапты богатую,
густовистую сосну,

Имеющий покров — тень от моло-
дого кедра,

Одеждой ему служит белый плащ,
Ездящий на бело-сивой буре,
Отец шести небес,

Имеющий шесть горбов отец Аба-
још — небо!

Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется!

5

Кроме того, хан отец!

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
Наступающий на девятый тапты,
Ведущий игру на девятом слое
неба,

Ездящий на зеленой бур'а,
Имеющий повод из зеленого шелка,
Горб его — зеленое лазурное об-
лако,

Посох его — зеленая радуга,
Ездящий верхом на красной бу'ра,
Имеющий повод из красного шелка,
Горб его — красное облако,
Посох его — красная радуга,
Отец мой Кызыған небо!

¹ При жертвоприношениях верховным небесным духам, в частности, Ульгеню ставили специально сооруженное шатро (из жердей) — сөбітү — березу (у березы обрубали ветви и оставляли лишь вершину). На стволе этой березы делали зарубки. Число зарубок зависело от того, на каком слое неба живет дух, которому совершалось камлание. Эти зарубки носили название тапты и символизировали слои неба (кат). Во время жертвоприношения шаман совершал как бы восхождение на небо по этим тапты. В представлении о березе, на шестнадцатой зарубке — тапты, на которой жил сам Ульген, — нашло свое отражение представление о мировом дереве, вершиною своей достигающем небес. Сама береза в молитвах также носила название „тапты“.

Кан үлүжү канға жат,
Піј үлүжү піјгә жат!

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

6

Анаң пашка кан ада!..
Үн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр!
Он тапты тапталбан,
Он катта ојунду,

Кроме того, хан отец!..
Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь
На десятый тапты наступающий,
На десятом слое неба ведущий
игру,

Жаһыл пулут жакалу,
Кызыл пулут өркөштү,
Ајас пулут пөйө алған!
Аҗыј поҗыј пос пуралу,
Адам јәрі Ак-Тумат!
Пөс пурулар бајбырған,
Адам Тумат-Таңара!
Піј үлүжү піјгә жат,

С воротом из зеленого облака,
С горбом из красного облака,
Ясное облако разделивший!
Наполненная сверкающими бурами,
Отца моего земля — Белый Тумат!
Сивыми бур'ами владеющий,
Отец мой Тумат небо!

Кан үлүжү канға жат!

Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется!

7

Анаң пашка кан ада!..
Үн салыжа кәлігәр.
Кыҗы салыжа түжүгәр!
Он бір тапты тапталбан,

Кроме того хан отец!
Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь!
На одиннадцатый тапты насту-
пающий,

Он бір катта ојунду,

На одиннадцатом слое неба имею-
щий игру,

Үч сүдәрін сајынған,
Уч солмоны сурлаған,
Әбір чәбір јылдысту,
Әбірә чыккан ағашту,
Тізін ала поокту,
Төбөн ала чоокту,
Адам поокту Кан-Кайракан!
Кан үлүжү канға жат,
Піј үлүжү піјгә жат!

Три покрова на себя возложивший,
Три утренние звезды его сверкают,
С разросшимися кругом деревьями,
С восшедшими кругом звездами,
С зобом, спускающимся на грудь,
С блеском на темени,
Трехзвонный отец мой хан-Кайракан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

8

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа кәлігәр,
Кыҗы салыжа түжүгәр!

Кроме того, хан отец!
Откликаюсь на (мой) голос, придите
Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь!

Он бір тапты тапталған,

Он әкі катта ојунда,

Кара кіш жакалу,
Жаял кумдус а́дақтұ,
Жаял пулут о́ркөшгү,
Адам кара кіш таңара!
Піј үлүжү піјгә јат,

Кан үлүжү канға јат!

Анаң пашка кан ада!

Ұн салыжа кәлігәр,
Кыјы салыжа түжүгәр!
Он әкі тапты тапталған,

Он әкі катта ојында,

Јаш таңара јажыткан,
Көк таңара көзүткан,
Күзүрт шабырт ојунду.
Ак Улгәнің арғын баш,
Ат көдүрбәс „сыман“ таш,

Ұлгән канның „Сурбун“ таш,
Кан Улгәннің кызыл таш,
Јајучының жаял таш,
Адам јада-таңара!
Кан үлүжү канға јат,
Піј үлүжү піјгә јат!

Анаң пашка кан ада!

Ұн салыжа кәлігәр,

Кыјы салыжа түжүгәр!

Он әкі тапты тапталған,

На одиннадцатый тапты наступяющий,

На двенадцатом слое неба имеющий игру,

Имеющий ворот из черного соболя,
Имеющий полы из зеленого бобра,
Имеющий горб из зеленого облака,
Отец мой черный соболев небо,
Доля начальника пусть начальнику достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

9

Кроме того, хан отец!

Откликаюсь на (мой) голос, придите,
Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь!
На двенадцатый тапты наступяющий

На двенадцатом слое неба имеющий игру,

Молодое небо мокрящий,
Синее небо мутнящий,
Раскаты грома игра его,
Белого Ульгения „аркын“ камень,
„Сыман“ камень, который конь не поднимет,

Белого Ульгения „Сургун“ камень,
Хана Ульгения красный камень,
Творца зеленый камень,
Отец мой јада¹ — небо!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику достанется.

10

Кроме того, хан отец!

Откликаюсь на (мой) голос, придите,

Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь!

На двенадцатую тапты наступяющий,

¹ Јада таш — камень, силою коего производили „дождь, снег или ведро“ (В. Вербичский, ук. соч., стр. 66).

Он үч катта ојинду,

Ајланыжа ај качырған,
Алтын карāt jāгинған,
Ајға кўнгā шағырту,

Кōлōнужā кўн качырған,

Күмiш карāt jāгинған,

Кўнгā ајға пызыған,
Аксāј Мāксāј тāңārā,

Адам пыркан тāңārā!
Пiј үлүжү пiјгā jāt,

Кан үлүжү канға jāt!

Анаң пашка кан ада!
Ўн салыжа кāлiгār,
Кыјбы салыжа тўжўгār!
Он үч тапты тапталған,

Он төрт катта ојунду,

Ак Пудайдаң ајрылған,

Ак Мустајдаң пōлүнгāн,

Мүс пырчактаң ајрылған,

Астāј Мустāј āкi кыс!
Сүткā паскан таманду.

Ак ўрўстā јарукту,

Мустāј каннын jāni,

Тāкшi тāңārā тāкшi адабас,

Адам Тотой-Тāңārā!
Кан үлүжү канға jāt,
Пiј үлүжү пiјгā jāt!

На тринадцатом слое неба имею-
щий игру,

Обойдя месяц, за ним гнался,
Золотую карету себе запрягший,
Между луной и солнцем гром низ-
вергающий,

Подкрадываясь, гнался ты за солн-
цем,

Серебряную карету для себя за-
прягший,

Сверкающий при солнце и луне
Ексей Мексей небо,

Отец мой бурхан — теңере (пуркан
теңере).

Доля начальника пусть начальнику
достанется,

Доля хана пусть хану достанется!

11

Кроме того, хан отец!

Откликаюсь на (мой) голос, придите,

Откликаюсь на (мой) зов, спуститесь!

На тринадцатый тапты насту-
пающий,

На четырнадцатом слое неба имею-
щий место игры.

От хана Пудай (пшеница) отделив-
шийся,

От хана Мустая (белого льда дяди)
разделившийся.

От белой ледяной крупинки —
льдинки отделившийся,

Астай Мустай две девицы!

Имеющие ступни, наступающие
на молоко,

Имеющие промысел на белом
наваре,

Племянники Мустая (льда — хана —
дяди)!

Все небеса (всех небесных духов)
все не назвать!

Отец мой Тотой — небо!

Доля хана пусть хану достанется,

Доля начальника пусть начальнику
достанется!

Анаң пашка кан ада!
 Ўн салыжа кәлігәр,
 Кыҗы салыжа түжүгәр!

Он бәш тапты тапталған,

Он алты катта ојунду,

Адам пыркан әру кыстар,
 Адам пыркан јәлу кыстар!
 Он әкі сәлмәнчик тәбилгән,

Он алты катта ојунду,

Тогус сәлмәнчик тәбилгән,
 Тогус сырык ојунду,
 Јатти сәлмәнчик тәбилгән,

Јатти сырык ојунду,
 Адам пыркан, пыркан әру,
 Адам пыркан, јажыл әру,
 Адам пырк насаран әру,
 Адам пыркан алтын әру,
 Адам пыркан пұдај әру,
 Адам пыркан пырчак әру!
 Пұдај чылап пурулғандар,

Курчак чылап төгүлгәндәр,
 Кыҗылуға кычалулар,
 Кызыл кошто јәмәттулар-јәмәилүләр,
 Анәм болзо кыстар әру!

Піј үлүжү пігә јәг,
 Кан үлүжү канға јәт!

Анаң пашка кан ада!
 Ўн салыжа кәлігәр,

Кыҗы салыжа түжүгәр!

Он алты тапты тапталған,

12

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите.
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

На пятнадцатый тапты наступающий,

На шестнадцатом слое неба имеющий место игры,

Отца моего Бурхана чистые девицы,
 Отца моего Бурхана глупые девицы,
 На двенадцать качелей ногой наступившие,

На шестнадцатом слое неба имеющие игру,

Девять качелей качающие,
 На девяти жердях имеющие игру;
 На семь качелей ногой наступающие,

На семи жердях имеющие игру,
 Мой отец бурхан, бурхан чистый,
 Мой отец бурхан, јажын әру,
 Отец мой бурхан саран әру,
 Отец мой бурхан золото чистое,
 Отец мой бурхан пшеница чистая
 Отец мой бурхан горох чистый!

Подобно пшеничным зернам вертящиеся,

Подобно гороху рассыпающиеся,
 Всегда кричащие и зовущие,

Имеющие пищей красные горящие угли,

Матери моей бурхан чистые девицы!
 Доля начальника пусть начальнику достанется,

Доля хана пусть хану достанется!

13

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

На шестнадцатый тапты наступающая,

Он алты катта ојынду,

Парчазының башчызы,
Барчы аһәзі Бай-Улган!
Кан үлүжү канға јәт,
Піј үлүжү піјгі јәт!

Шаман вставал со своего места и призывал духа (кәр балык талај канның уланы). Шаман окружал себя обручем курај — рыбой — кәр балык; он как бы опоясывался ею (укрчулапјат), подкрепляя себя для предстоящего трудного и далекого путешествия. Шаман обращался к кәр балык со следующими словами:

Јајык түбүн јажкаған,
Тәніс түбүн таңсәчән,
Талај канның уланы,
Узу тоңбыл кәр балык!

Әр појумуң тоң курчу!
Үч пороло кабыл-кәл!

Шаман шел к порогу, садился на корточки лицом к порогу и обращался к хозяину порога: „кара көөш-кан позоғонуң әзі“ и через него к его отцу Кар-Адаму или әнік таңарә, и просил разрешения итти к духу тәр әзі и помощи — поддержки в этом пути:

Ајна тудар әр(у) тоңузум,

Ајланып јатпас әр јадыбым!

Ај каразы јорукту,

Ају пашмак өдүктү,

Түн каразы јорукту,

Түктү пашмак өдүктү.

Алтон ају тәрәзі,
Ајак укча јәтпә јәтпәјтән,
Јәттон ају тәрәзі.
Јән учуна јәтпәјтән,
Кәрә сөөм азулу,
Кәжік пычкак тырмакту,
Адазынаң кучту туған,
Адам күчтү, Кајракан,
Үч әжіктү кара Гөөш-Кан!

На шестнадцатом слое неба имею-
щая место игры,
Всех и всего глава
Мать моя богатый Ульгены!
Доля хана пусть достанется хану,
Доля начальника пусть достанется
начальнику!

Глубину разлива колыхающий,
Дно океана колеблющий,
Хана моря сын,
Чудовище — глава рыб с обрублен-
ным ртом!
Для меня мужа ты крепкий обруч!
Приди, охватывая, охвати, окружая,
окружи меня трижды!

Мой могучий борец, что в состоянии
задержать злого духа (айна),
Не переворачивающаяся с боку на
бок, лежащая моя чистая колода!
Выходящий на промысел на ущербе
месяца,
Имеющий башмаки из медвежьей
шкуры;
Выходящий на промысел в темноте
ночи,
Имеющий шерстистые башмаки;
Шестьдесят медвежьих шкур,
Нехватает (тебе) на конец ноги,
Семьдесят медвежьих шкур,
На край рукава нехватает (тебе).
Имеющий клык с четверть,
Имеющий когти с обрубков ноги,
Родившийся сильнее своего отца;
Сильный отец мой уважаемый,
Трехдверный черный Гөөш-кан!

Шаман от имени Кара-гөөш откликался, произнося свое имя: — аајты! аајты! Кара-
гөөш! и спрашивал у шамана куда, к какому духу он собирается итти.

Ак аданың шағаражып,
Таш орбуға тајанып,

Табылғыңа шәданіп,
Ак адаңа сөөнүп,
Ала барска тајанып,

Кажы канға кабылып чыктың?

Кажы пігә күләп, чыктың?

Шамаи отвечал:

Піләр тіім сән әдәң,

Пілбәс кулдаң мән әдәм,
Јаан біјім сән әдәң,
Јармадыј кулдуң әмн әдәм!

Кажы канға кабалып чығајын!

Кажы біјгә күләп чығајын!

Ак аданның әзінә,
Ала барстың сүрмәдинә,
Ак Мардың Ак Тајлыға,
Абыр јалду кыс јәләскә.

Ак Мардың Адазына,
Ајбыр јалај Кан-Кычкылға!

Мынаң озо қабылбадым,

Мынаң озо күләбәдім,

Кабырғам мәнің кәјкалар,
Кал јачым тыңығалак,

Алдым мәнің ачылғалак,
Арға јалым сөзүлгәләк.

Ар алдыма әлчә бәрзән,

Баштап чығар башчы салған!

„Твоим белым бубном побрякивая,
На каменную колотушку опираясь,
как на посох,
О свою таволгу прислоняясь,
Своим белым бубном подпираясь,
На пестрый барс — рукоятку бубна
опираясь,

К какому хану, мчась, изнурия
себя, ты идешь?

К какому начальнику, бушуя, ты
с пением отправился?“

Все знающий мой начальник, ты
есть!

Я — раб твой, ничего не знающий!
Великий начальник мой, ты есть!
Я ничтожный раб твой (с крупинку,
подобной отруби)!

К какому хану, изнурия себя,
с шумом я иду!

К какому начальнику, напевая,
я иду!

К хозяину белого бубна,
К изображению пестрого барса,
Белого мар'а Белому Тайлык'у,
Имеющей гриву жеребца девице
телес.

К хозяину белого мара,
С гривой жеребца, как Кычкыл'у
(я направляюсь)!

До настоящего времени я не мчал-
ся, изнурия себя,

Раньше этого, я не напевал, с шу-
мом идя!

Ребра мои еще не отвердели,
Последнее ребро мое еще не ок-
репло.

Путь предо мною еще не открылся,
Спина и холка мои еще не при-
мялись.

Вперед меня посла — спутника не
пошлешь ли!

Чтобы руководить мною, руководи-
теля не назначишь ли!

Дух Позоџо отвечал шаману:

Ар алдыңа аїчі бәрәјін

Баштап чыңар башчы салајын!

Карағының көстө болзын!

Кармағаның колдо болзын!

Кан алдында казыр бол,

Піј алдында піјік пол!

Тілің болзо јару бол,

Тізан болзо, чөгү бол,

Канға кірзән, кәјранал,

Біјгә кірзән, білді кәр!

Шаман произносил благодарность духу Позоџо;

Мөргү-бә, мөргү!

Алды кїјінім карап калзаң,

Оң көзүңә көрүп калзан!

Оң алкыжың бәріп калзан!

Аам көзүн көрүп калзаң!

Арү чырај пағып калзаң!

Впереди тебя идущего спутника —
посла, да, дам я!

Руководителя, что руководить то-
бою будет, да поставлю я

Пусть будет так, чтобы из глаз
твоих не ушло то, что ты увидишь!

Что нужно тебе захватить, пусть
будет в твоей руке!

Перед ханом сильным будь,

Перед начальником высоким будь!

Язык твой острый, да будет,

Твои колена гибки пусть будут!

Если войдешь к хану, милость
возьми,

Если войдешь к начальнику, муд-
рость увидь!

Поклоны, поклоны!

Охраняя меня, оставайся,

Смотря на меня правым глазом
твоим, оставайся!

Давая мне правое благословение,
оставайся!

Ласковым глазом смотря, оста-
вайся!

С лицом, расплывшимся от улыбки,
оставайся!

Шаман вставал и проходил на середину дома. Он снова призывал 27 духов јәр јолы, 12 — духов бајана и своих тө'ов — свое многочисленное, словно ласточки, войско кармыдаштыј калын чәрү. Все эти духи будут ему сопутствовать. Сильным ударом в бубен он присоединил к своим спутникам еще и аїчі — посла, полученного им от хозяина двери — позоџо. Затем он призывал опять свой курчу — обруч духа кәр балык. Садился на корточки около печи, лицом к отверстию ее, и обращался к от-аї — матери огня, прося у нее себе спутника и помощника.

Одус башту от аңа,

Кырык бату кысәңә!

Чїјді болзо, пыжырған,

Тоңды болзо, әріткән.

Јажыл јалын кубатту,

Јажыл торко кїјімдү,

Кызыл јалын кубатту,

Тридцатоголовая мать огонь,

Сорокаголовая девица мать!

Сырое варящая,

Мерзлое оттаивающая!

Зеленое пламя веселящая,

Из зеленого шелка имеющая
одежду,

Красное пламя веселящая,

Кызыл торко кийимбү.

Таш очоғун салынған,

Талкан күлүн јастанған,
От жаказын ојноткан,
Күл жаказын күбүраткан,
Одус пашту от айна,
Ојдон камыш кулакту,
Кырык пашту кыс айна,
Кыйған камыш кулакту,

Үч очокту ази кан,

Үрүм талдың мүзи кан,
Үзүлүп үскә түшкән кан,
Ја жылып көккә тамған кан,

Ажыра билгән Ојмок ару!
Ар алдыма әлчи бәрзән!

Баштап чыбар башчы салзан!

Ак Мардың ак Тајлык'ка,
Ајбыр јалду кан Кычкылға,

Мынаң озо кабылдадым,
Мынаң оао јјалбадым.

От-айна ничего не отвечала шаману — она никогда не вступала в разговор с шаманом — она просто посылала ему от себя спутника — помощника әлги (посол).

Шаман вставал, ударял в бубен и трижды произносил: „оп куруј!“

Затем он обращался к духу пај баға.

Әкі көзү кызарышкан,
Танулару сарғалышкан,
От ордунча пај баға,
Тура јіктү тос көнөккө,

Алаганың јаба тут!

Шаман снова призывал кәр балык. Размахивал трижды бубном. Повертывался делал движение бубном в направлении четырех углов дома и говорил:

Аланчыбым ак јалыным!
Сәгіс кыјын төрт толубум!

Из красного пламени имеющая
одежду!

Каменный очаг на себя возло-
жившая,

Толкан золу под себя постелившая,
Края огня заставившая играть,
Края золы разрыхляющая,
Тридцатиголовая мать огонь,
С ушами из гнутого камыша,
Сорокаголовая девица мать,
С ушами из кососрезанного
камыша,

Хозяин трех очагов — треножника
хан,

Хан с рогами из тальника,
Обрываясь, падающий на навар, хан,
Расстилаясь, капающий на землю,
хан!

Всезнающая Оймек, чистая!
Впереди меня идущего мужа
спутника,

О, если бы ты дала!

Многу руководящего руководителя
О, если бы ты поставила!

К белого мара белому Тайлыкку,
К кан-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,

До настоящего времени я не ходил,
Раньше этого я не направлялся!

С двумя покрасневшими глазами
С пожелтевшими ноздрями,
Богатая лягушка, что в огнище!
К моему берестяному көнөк'у, имею-
щему поперечный шов,
Лапу твою приложи и прикрой его!

Моя юрта аданчик, белое пламя!
Своемью косыми обрубами четыре
угла мой!

Оң көзіннән көрүп калзан,
Оң алдыжың пәріп калзан!

Правым взглядом взгляни,
Правое благословение дай!

Снова повертывался кругом и кланялся всем присутствующим людям — старым и молодым, которые будут сидеть в продолжение всего камлания, и просит их петь и кричать с ним вместе, т. е. помогать ему совершать камлание.¹

Сај сөгүм сакчылары,
Саналғанда курчуларым!

Караульщика моих костей — гальки,
Когда мне понадобится, вы мои
кольчуги — обручи!

Куды бажы кажағандар,

С победевшими, как у лебедя
головами,

Кускунды тіжі сарғағандар!

С пожелтевшими, как у ворона,
зубами!

Оң көзүннән көрүп калзан,
Оң алкыжың пәріп калзан!
Сај сөгүмнүң сакчылары,
Саналғанда курчуларым!

Правым глазом взгляните,
Правое благословение дайте!
Охранители моих костей — гальки,
Когда мне вздумается, вы мои
кольчуги — обручи!

Кыжы мынаң ычкы тынаң!

Криком и кряхтением (мне помо-
гайте)!

На призыв шамана с ним вместе кричать и петь присутствующие отвечали возгласами.²

Шаман снова призывал кяр балык и начинал медленно двигаться, ударяя в бубен, к кёнк'ам.

Шаман пел. Ему подпевали все присутствующие, исключая женщин.³

Шаман, обращаясь к кёнк'ам и толу, отсылал их к духу ак мар'у.⁴

Айдың болзо, аруунда,
Күннүң болзо, көркүндә,

Когда месяц светит в новолуние,
Когда солнце сверкает в ясный
день,

¹ Пережитки стадии „коллективного камлания“ (массового) — сохранились в обычае, согласно которому все присутствующие на камлании, должны были выкриками, возгласами „помогать“ шаману участвовать в совершении обряда. Кроме того, у телеутов существовали особые помощники шамана тәмчіләр тәм кошкон кижиләр или: тәм кошјатан кижиләр. Обычно это были молодые люди, обладающие соответственными голосовыми и музыкальными данными, а также хорошей памятью. Шаман усаживал их рядом с собой на скамью. Там они сидели в продолжение всего камлания. Они должны были на память, вслед за камом, повторять все шаманские призывания и продолжать петь одни, когда кам уставал и делал небольшие передышки. В награду за помощь шаман угощал их вином и жертвенным мясом. Особой платы не полагалось. Это были любители, которые по своему усмотрению могли пойти или не пойти на камлание и помогать шаману. Но среди них были и такие, можно сказать, признанные помощники (особо умелые, хорошо поющие и т. д.), за которыми шаман перед камланием специально посылал и приглашал ему помогать и присутствие которых считалось почти необходимым.

² Возгласы присутствующих продолжались в течение всего камлания.

³ Женщины, видимо, исключены из участия в камлании, сохранявшем, в большинстве случаев, родовой характер, как чужеродки.

⁴ В настоящей работе приведен вариант камлания, совершаемого весной. Осенью шаман начинал камлание с описания осенней природы.

Җылдың бажы ајланғанда,
Җылан бажы сајылғанда,
Ämäi ағаш пұр алғанда,

Ääk куук кыҗырғанда,
Јәр жарылып пұр чыкканда,

Ағын суум пузулғанда,

Ак тајка пұру сөзүлгәндә,
Ат көдүрбәс ар толум,

Ағым көгүн чабылды отур,
Ај оңунча пурулуп отур!
Көдурмәлә көл тәпшім,

Көк үрүс-чә јајылып отур,
Күн оңунча пурулы отур!
Тура јіктү тос көнөгүм,

Mäkiлдәгән пај сабам!
Äр алдымнаң јајалы отур,
Аткан октоң әңил ал,
Ак-кан сүдаң шурғун тарт!
Ал тајкабаң ажу ал,

Ағың сүдан кәчү ал!

Голова года когда повернулась,
Змея когда сменила кожу,
Когда на плодовых деревьях по-
явились листья,
Когда закричала кукушка,
Когда расщепились деревья и по-
явились листья,
Когда текущие воды разбили ледя-
ной покров,
Когда склоны горы распоролся,
Чистое толу мое, что конь не может
поднять,
Сверкай белым и синим блеском,
По ходу месяца, повертывайся!
Годная к возношению — как озеро
сельница моя,
Разливайся, как синий навар.
По ходу солнца повертывайся!
Мой берестяной туяс, имеющий
поперечный шов,
Покачивающаяся моя саба!
Впереди меня — мужа продвигайся.
Легче выпущенной летящей стрелы,
Быстрее текущей воды (иди).
Через белую тайгу — гору перевал
бери,
Через быструю воду переправу
бери!

Шаман, произнося полное название духа ак мар'а, ударил в бубен. Затем наклонился, повертывался к двери дома и долго бил в бубен. Этим он как бы отправлял толу и көнок к духам, которым они предназначены. Это действие носит название табу каңат, оно повторялось три раза. Три раза шаман повторял все слова, начиная с „ајдың болзо арүнда...“

Шаман уходил из дома. Выходил на улицу и там еще один раз повторял все слова, начиная с „ајдың болзо арүнда...“

Шаман возвращался назад, произносил при входе конец обращения к көнөк'ам и толу: „ал тајбадаң ажу ал, ағың сүдаң кәчү ал!“

Он двигался в доме, обернувшись спиной, и несколько раз произносил слова: „табу дәп“. Доходил до середины пола и продолжительное время вертелся по солнцу, долго ударял в бубен и выкрикивал „ај, хооо!...“ Останавливался. Затем, снова долго вертелся, повторяя все тот же выкрик „ај хооо!...“ Это означало, что шаман отправился в свой путь. Он едет на своем бур'е. При этом он призывал своего бура так, чтобы никто этого не заметил.¹

¹ Шаман скрывал своего бура, так как враждебные ему, шаману, духи, желая погубить его, подкарауливали его и стреляли в него из луков.

Шаман размахивал орбой и с возгласами „шау, ауу“, останавливался по средине дома. Стоя там, он произносил имя ју́мыча ју́ракај хана, духа невысокой горы,¹ расположенной недалеко от улуса Чолухоя, почитаемой телеутами.

Улу Бајат кәзә отурған,

Ўссун јаның үч казык,
Алдын јаның муң казык,
Ўч толукту аңам ју́ракај, Кајракан!

Кол көдүрзәм чачу ал,

Колтык ачсам, үлүү ал,

Торок полбон пажыңа.
Тарсма полбон сыныңа.

Оң көзүңнәң көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп ал!

Затем шаман как бы представлялся — рекомендовался духу — он называл имена двух своих тәс'ов — имена двух предшествующих ему умерших шаманов, последних из всей иерархии своих шаманов — предков.²

Кам Кобордың калдығы,
Кам Пөнөк үрәні,
Ајбыр јалду кан Кычкылба,

Мән сабылып пар јарым!

Назвав духа — јайык'а — шаман проходил мимо его владений. Он садился на скамейку и пел, призывая свое „войско“ — всех сопутствующих ему духов:

Карлығаштыј калың чәрү.

Ар алды-мнәң јәјалы отурған,
Мәниә полуп кабычы отурған!

Шаман называл имя орбу әзі — хозяина колотушки:

Карлығаш пашту кан кызыл јар
кәзә билгән,
Сары Чымыш кәзә отурған,
Аңам тојлу, Кајракан!
Таш орбун әзі,
Табылғымның сүрмәді!

Старшим — великим Бочатом
ведущая,

Вверху у тебя три кола,
Внизу у тебя тысяча колов,
О трех углах, мать моя ју́ракај
Кайракан!

Если подниму руку, кропление
возьма,
Если подмышку раскрою, долю
возьми.

На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою
(пусть падет)!

Празым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Я потомок — последний кама Карбоа,
Я семя — кама Пөнөка,
К кану Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,
Бушуя и мчась, я направляюсь!

Словно ласточки могучее много-
численное войско,
Впереди меня, мужа, продвигайся,
Подобно мне мчись и вперед
направляйся!

Ханом красного Яра, имеющим
голову ласточки, правящая,
Сары Чымышем владеющая.
Мать моя, тојлу Кайракан!
Хозяин каменной колотушки,
Таволжника моего изображение!

¹ У каждого улуса свой јайык. Это может быть гора, плоскогорье или даже стена. Так, у Большого улуса јайык-Кубазан, у улуса Черту — јәләш-хан.

² Приведены духи-предки кама Канакаа. У других шаманов это место камалания варьирует, так как они призывают своих тәс'ов.

Затем шаман обращался к хозяину бубна:

Ағы Мардың ак Тајік,
Ак пӧс адын јараткан,
Кӧгү Мардың кӧк Тајік,
Кӧк пӧс адың јараткан!
Кӧк марын тајанған,
Кӧгү марын тудунған,
Алты ӧркӧштү ак аданның әзі!

Белого мара белый Тайлык (конь),
Бело-сивого коня снаряди в путь,
Синего мара синий Тайлык (конь)
Сине-серого коня снарядил!
На синий барс опирающий,
Синий барс держащий,
Шестигорбого белого бубна хозяин!

Шаман призывал того духа, „от которого он сотворился“, т. е. того духа, который пересотворил шамана (см. выше).

У кама Канакая это дух Соом адазы јӧӧ-кан.

Алтын Соомның адазы,
Ӯр Сомның әзі!
Ӯч таңара табілған,
Тәмір таңдақ пазылған!
Алтын параты ачыл-јабылған,

Отец золотых сом'ов,
Тяжелых сом'ов хозяин!
Трое небес протоптавший,
Утреннюю зорю попирающий!
Золотые ворота открываются и
закрываются,
Кости диких зверей рассыпаны,
как галька,
Кости птиц сокрушены.
На бело-игрневом коне едущий,
С гривой жеребца јӧӧ-кан!

Алды сӧӧгү сајланған,
Куштуң сӧӧгү кужалған.
Ак чалдарға мінәтү,
Ајдыр јалду Јӧӧ-Кан!

Шаман выбирал себе в спутники на дальнейший путь кого-нибудь из старших духов јӧр-јол. Никто из этих духов не имеет права отказать от сопровождения кама.¹

Шаман вертелся. Все присутствующие громко кричали. Это означает, что шаман дошел до второго јайык'а.

Шаман размахивал колотушкой и кричал шауу, а затем произносил имя јайык'а.

Күчу Бајат кәзә отурған!
Кус чырајлу куба кадын!
Кол кӧдү'рзәм, чачу ал,

Колтык ачсам, үлүү ал.

Тарак полбон пажыңа,
Тарсма полбон сыныңа!

Оң көзүннәң көрүп Кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Малый Бачатом ведущая,
С лицом девицы бледный хан.
Если руку подниму, кропление
возьми,
Если подмышку раскрою, долю
возьми.
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою
(пусть упадет)!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

¹ Исключение составляли духи сом әзі и Адам. Они находились в постоянной, давнишней вражде друг с другом, отчего, когда шаман шел к Адаму, он не брал с собой соом әзі и наборот.

С этими словами шаман проходил владение второго *јајык*'а. Шаман садился. Призывал себе в помощь еще кого-либо из духов, по своему усмотрению. Призыв к духу он заканчивал словами:

Äр алдымнаң кабылы отур,
Мәйчә полуп *јајалғы* отур!

Впереди меня, мужа, продвигайся,
Став, как и я, мчась и бушуя,
направляйся!

Шаман вставал и опять вертелся: все присутствующие кричали и подпевали шаману; шаман подходил к третьему *јајык*'у; он обращался к этому *јајык*'у:

Äнәм Сыңырлык кәзә отурған,

Матерью моей Сыңырлык'ом владеющая,

Ат пулују пәј Карағәј,
Äнәм чымај, Кајракан!
Кол көдүрзәм чачу ал!
Колтук ачсам, үлүү ал!
Тарак полғон пажына,
Тарсма полғон сыныға!
Оң көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Богатая ветвистая сосна—коновязь.
Мать моя, Чыман Кайракан!
Руку подниму—кропление прими!
Подмышку раскрою—долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Шаман проходил владения третьего *јајык*'а. Садился и призывал еще какого-либо духа себе в спутники, заканчивая свое обращение следующими словами:

Äр алдымнаң кабылы отур,
Мәйчә полуп *јајалы* отур.

Впереди меня, мужа, продвигайся,
Став, как я, мчась и бушуя, направляйся!

Шаман вспоминал об отосланных „табу“, т. е. о *көнөк*, *тәпші* и *толу*, — которых он отправил к духу („табу“ идут впереди шамана, направляясь к духам *мар әзі* и *ак мар'у*).

Шаман обращался к своим *төс'ам* — кровным духам и сопутствующим его духам *јәрјол* и *пәјана*,¹ спрашивал их о судьбе „табу“ и просил догнать их:

Пајағы парған пәј табұлар,

Давеча отправившиеся богатые табулар'ы,²

Канча тајка кажа бәді-нә,

Сколько-то гор они теперь перевалили,

Канча талај кәчә бәді-нә?

Сколько-то рек они теперь перешли,
В той земле, где увидите их, там и догоните,

Көргөн јәргә көрө јәткәр,

Там, где их настигнете, там и нагоните.

Сүргән јәргә сүрә јәткәр!

¹ Духи *јәрјол* и *пәјана* в данный момент, поскольку они сопутствуют шаману, являлись также его *төс'ами* — духами-помощниками.

² Под „табулар“ подразумевались духи-помощники шамана, сопровождающие жертву к тому или другому духу, а также уносимая ими жертва (предметы, отправленные к духу).

Шаман подходил к четвертому *јајык'у*. Шаман кружился и обращался к этому *јајык'у*:

Äjälü siindü äki чарту кәзә билгән!

Старшая и младшая две сестры
Чарту — всезнающие!

Ат пулузы куказык,
Ајбыр јалду кыс јәләс!
Кол кәдүрзәм, чачу ал,
Колтук ачсам, үлүү ал!
Тарак полҗон пажыңа,
Тарсма полҗон сыныңа!
Оң көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Конская привязь серый кол,
С гривой жеребца девица Телес!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою, — долю возьми
На гребнеобразную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Призывал еще какого-либо духа. Садился и говорил про табу, обращаясь к своим духам:

Табудың бажы көрүнә-бәді,

Конец табу (голова табу) видна ли
стала?

Толудың бажы підірә-бәді?!

Конец толу (голова толу) заметна ли
стала?

Көргөн јәргә көрө јәткәр,
Сүргән јәргә сүргә јәткән!

На том месте, где увидите, догоните,
На том месте, где достигнете, за-
хватите!

Шаман вставал, кружился: он подходил к пятому *јајык'у* и призывал его:

Äjälü siindü äki Оскотты кәзә
билгән,

Младшей и старшей сестрам и
Оскот владеющая,

Анам коңус. Кайракан!
Кол кәдүрзәм, чачу ал,
Колтык ачсам, үлүү ал!
Тарак полҗон пажыңа,
Тарсма полҗон сыныңа!
Оң көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кол!

Мать моя, Коңчус Кайракан!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Шаман проходил пятый *јајык*. Шаман садился. Теперь шаман уже нагонял свои табу. Духи, как бы сопровождающие табу, — тәс — выражали шаману свое неудовольствие; от лица их всех один дух говорил шаману:

Алај, алај, алај, алај кам!
Сактај, Сактај сак полдым,
Саңыскан кујруғун шарт Кәстім.

Алай, алай, алай, кам!
Ждал, ждал, заждался,
(От нечего делать) хвост сороки
я отрезал.

Кара јәрің казындын-ба?
Катү аҗажың чамындың-ба?!

Черную землю копал что ли ты?
Твердое дерево тесал что ли ты?

Кам отвечал им:

Кара јәрім казынбадым,
Катү аҗажым чамынбадым!

Черную землю я не рыл,
Твердое дерево я не тесал!

Ајлудуң кўні кўч полуп,

Ајлік полуп кабылып јаттім!

Кўндўниң кўні кўч полуп,

Кўндўк полуп кабылып јаттім!

Корлонбоғор коксунбағар,
Табўчылар толўчылар!

Теперь шаман догнал своих табў. Он размахивал колотушкой, обводил ею вокруг кўнўк и толу и произносил алас:

Ак Ўлғәниң чын алас!
Ат кўдўрбас ар толум,

Ағын кўгўн чағылы-отур!
Тура јіктў тос кўнўгўм!

Мәлкідигән пәј сабам!
Кўдўрмәлү кўл тәпшәм!

Көк пулут-ча кўчўп отур,

Көк ўрўс-чә јажылы-отур!
Ајғыр јалдў кан Кычкылға,

Аткан октоң сўргўм тарт!

Аккан суудаң тўргән ал!

Әр алдымнаң јажалы-отур!

Шаман вертелся на одном месте. Все присутствующие кричали.

Шаман садился и призывал какого-либо из своих духов.

Он вставал и кружился.

Подходил к шестому јайык'у и с криком „шау“ проходил мимо его владений. Он называл имя јайык'а:

Кўзнў гўжў јажылу,
Тўнўк әжї пўркәлў,
Кўндўгә ўн пәрбәјтән,

Ајлуга кыҗы самыш пәјтан,

Кўл торонуң чыкканјәр!

Живущих под месяцем жалко было
оставить,

На месячный срок задержавшись,
теперь я примчался,

Живущих под солнцем трудно было
оставить,

На сутки задержавшись, теперь я
примчался!

Не возмущайтесь, не порицайте,
Вы, сопровождающие табу и толу!

Белого Ульгена истинный алас!
Чистое толу мое, которое конь не
в силах поднять,

Синими и белыми огнями сверкай!
С поперечным швом берестяный
кўнўк мой!

Покачивающаяся богатая саба!
Озеро — сельница моя, годная для
возношения!

Подобно синему облаку, продвигайся,

Синим наваром разливайся!
К хану-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца.

Выше летящей стрелы высоту небес набирай!

Быстрее текущей воды быстроту бери!

Впереди меня, мужа, мчись!

Окошечко закрытое,
Дымовое отверстие закупоренное,
Под солнцем живущему человеку,
голоса не подающая,
Под месяцем живущему человеку,
криком не отвечающая,
Земля, откуда вышел — произошел
род (сўк) торо, многочисленный,
как зола!

Кол көдүрзәм чачу ал,
Колтук ачсам үлүү ал!
Тарак полбон пажыңа,
Тарсма полбон сыныңа,
Оң көзүннән көрүп кам,
Оң алдыжың пәріп ал!

Позвав еще одного духа себе в спутники, шаман совершал алас над табу:
Вставал, вертелся — это означало, что шаман подходил к седьмому *ја́йык*у.
Шаман обращался к *ја́йык*у:

Оџум, оџум айры баштары,
Анәм шарат ічтәрі!
Кол көдүрзәм чачу ал,
Колтык ачсам, үлүү ал!
Тарак полбон пажына,
Тарсма полбон сыныңа!
Оң көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Шаман садился и призывал себе в спутники еще одного духа. Затем вставал и совершал снова алас над табу.

Шаман начинал быстро кружиться, все присутствующие кричали. Шаман проходил мимо восьмого *ја́йык*а. Шаман говорил:

Алдын јаның кәт, Кәјракан!

Уссүн јаның әнәм Саныс, Кәјракан!

Ағын суу үс тадыған,
Ак чабағын мај тадыған.

Алтын сајлу әнә Том!
Күмүс сајлу күні Том!

Ак палығынның мај тадыған,
Аккан суу іңнаң үс тадыған;
Көк палығынның мај тадыған.
Көдүн сууң мај тадыған,

Анәм Саңыс, Кәјракан!
Кол көдүрзәм чачу ал,
Колтук ачсам үлүү ал!
Тарак полбон пажыңа,
Тарсма полбон сыныңа!
Оң, көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

С отвесными склонами истоки реки,¹
Течение матери Шарап!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Нижняя твоя сторона реки Кет
Кайракан,

Верхняя твоя сторона, мать моя
Сангыс Кайракан!

Текущая вода твоя — сладкий навар,
Твоя рыба, белый чабак, жирная на
вкус,

С золотой галькой мать Тобы!
С серебристой галькой любимая
Тобы!

Белые твои рыбы жирны на вкус.
Твоя текущая вода — сладкий навар,
Синяя твоя рыба жирна на вкус,
Твои волнующиеся воды — сладкий
навар,

Мать моя Саңыс Кайракан,
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою,
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение дай!

¹ Болото, где берет свое начало река Шарап.

Шаман садился и звал к себе еще одного духа. Затем вставал и начинал вертеться. Шаман просил пить, он обращался к присутствующим:

Ајлū јардiң кара суғат,

Ајлангај-минā арт сoң-мынаң!
Ајак алчазың көрөр јар кāдi,

Чoңiј алчазың тудар јар кāдi!

Шаману подавали пить из маленькой деревянной чашки чoңiј.

Выпив воду, шаман не выпускал изо рта чашку, он держал ее зубами. Затем при- давал бубну почти горизонтально: положение (лицевой стороной вверх), ставил на него чoңiј. Держа чашку на бубне, он покачивал бубен и произносил следующие слова, обращаясь к своим тoс-ям:

Ағаш ајағы ајлудыј,

Ағын алчазы ајғыр јалду Кычкыл
кандыј!

Чoңiј ајағы кyндy дiјi,

Чoңк алчазы ајғыр јалду Кычкыл
кандыј!

Кoзи јаман көргyс пāгāр,
Кyни јаман таңдатпағар.

Присутствующие отворачивались и закрывали глаза, чтобы не смотреть на чашу. Шаман звал к себе своего тoс-а — птицу мoркyт — беркута.

Базар пузар канатту,
Јабар јубар кујрукту,
Ај тумчуғун мyс полғон,
Ај тырмағын јас полғон,
Улған кужу пāј мyркyт,
јас тырмакту кара куш!

Обращаясь к духам-спутникам, говорили:

Сабылтарға салбағар,
Чајбалтарға пāрбāгāр,

Шаман сбрасывал чашку бубном, перевортывал бубен и старался поймать ее внутренней стороной бубна (ајак алчалап јат). Считается не важным, куда упадет чашка, в бубен или мимо бубна, на пол. Важно, как упадет чашка: вверх дном или вниз дном.¹

¹ Алча тyсeй јакши кoтгoрo тyсeй јаман — если вниз дном упадет — хорошо, если вверх дном — плохо.

Черный водопой земли, освещен-
ный месяцем,

Вслед за мной не повернется ли!
(Вот) дошли до места, где надо смо-
треть на чашу, упавшую вниз дном,
Наступило время держать чашу,
упавшую вниз дном!

Деревянная чаша — людям, живу-
щим под месяцем,

Белое чистое падение чаши вниз
дном — хану Кычкылу, имеющему
гриву жеребца, достанется!
Чаша для вина Чoңий — для людей,
живущих под солнцем,

Жертвенное падение чаши — для
Кычкыл хана, имеющего гриву
жеребца!

Не показывайте злому глазу,
Скверным желаниям не давайте
осуществляться!

С взмахивающими крыльями,
С опушенным хвостом,
Твой лунообразный клюв, как лед,
Твои лунообразные когти, как медь,
Ульгения птица богатый беркут,
Имеющая медные когти черная
птица!

Качаться, колебаться не давайте,
Пошатнуться не допускайте!

Если чашка упадет вверх дном (көмдөрө), шаман снова сбрасывал чашку, и так повторял до тех пор, пока чашка не упадет алза — вниз дном. Тогда тот человек, который подавал шаману пить, берет чашку и делает круг чашкой над огнем.

Шаман садился и говорил, обращаясь к присутствующим:

Алкыжым јәтсін уссүн Улгәнгә

Пусть благословение мое дойдет
до верху находящегося Ульгения,

Алкыжым јәтсін алдынгы јуска!

Пусть благословение мое дойдет до
нажных духов јәр-јол!

Оң көзүнән көргө діј ошкош,

Похоже, что (хан) правым глазом
взглянул,

Оң алкыжың пәргәј діј ошкош!

Похоже, что правое благословение
дал!

Аам көзүн көргөдіј ошкош.

Похоже, что ласковым глазом гля-
нул,

Арү чырај пакадыј ошкош!

Похоже, что приветливое лицо к нам
обратил!

Азәндіккә пәргәдіј!

Для здоровья благополучия (нашего)
оказывается дает (знак)!

Албәк күнгә јајаҗай-минә,

Не сотворит для долгих благопо-
лучных дней,

Түрсүн дәјін пәргәј-минә,

Потомства похожего (по образцу
лица человека) не даст ли?

Түктәп ала јајаҗай-минә?!

Скота, похожего по шерсти, не
сотворит ли?!

Если чашка упала вниз дном — алча, это означает, что Кыч-Кылкан хорошо примет шамана.

Шаман вставал, вертелся, подходил к табу и сотворял над ними алас.

Снова вертелся и при общем крике проходил девятый јайк.

Призывал последнего на своем пути, девятого јайк'а:

Сурук чатпәс таш көнөк!

Каменный көнөк, до дна которого
не достает жерды!

Анәм прас ічтәрі!

Течение матери моей реки Мрассы!

Кол көдүрзәм, чачу ал,

Руку подниму — кропление прими,

Колтук ачсам үлүү ал!

Подмышку раскрою — долю возьми!

Тарак полҗон пажыңа,

На гребневидную твою голову,

Тарсма полҗон сыныңа!

На струнообразную твою спину!

Оң көзүнән көрүп кал,

Правым глазом твоим взгляни,

Оң алкыжың пәріп кал!

Правое благословение твое дай!

Шаман садился и призывал себе еще нового спутника-духа. Вставал и совершал алас. Теперь он приближался к месту, где расходятся дороги семнадцати ханов — духов. Он громко восклицал:

Он јәттi канның јарылҗыш,

Семнадцати ханов разделение путей,

Ончо канның тарам јол!

Где расходятся дороги всех ханов!

Кол көдүрзәм сачу ал,

Руку подниму — кропление прими,

Колтук ачсам, үлүү ал!

Подмышку раскрою — долю возьми!

Тарак ползон пажыңа,
Тарсма ползон сыныңа!
Оң көзүңаң көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

На гребневидную твою голову,
На струнообразную твою спину!
Правым глазом твоим взгляни,
Первое благословение твое дай!

Шаман вставал и, держа бубен на руке над левым плечом, ходил взад и вперед по дому. Садился и снова вставал, и опять продолжал ходить. Он искал те места, где ходил конь, шкура которого пошла на обтягивание его бубна. Духи показывали ему все пути, когда-либо пройденные этим конем. Шаман находил также то место, где срубили дерево для его бубна.

Шаман говорит, обращаясь к своим родным духам — тосам:

Алты өркөштү ак аданның алтын
кажын.

Кажы јардән кәсті-нә?
Кажы суудың кажынаң?
Кажы туудуң бурунаң?
Алты өркөштү ак аданға

Золотую обечайку шестигорбого
белого бубна

В какой земле срубил?
На берегу какой реки?
На склоне какой горы?
Байтал, шкура которого пошла на
покрытие шестигорбого белого
бубна,

Јапкан байтал кажы сууда полды-нә?
Кажы јардә өстү-нә?
Үссүн Үлгәнің, алдыңы јуугум,
Чолмон болгон көстүләрім,
Калкан ала кулактүлар,

На берегу какой реки жил?
В какой земле вырос?
Верхний Ульгень мой и нижние духи,
Имеющие ясные, как звезды, глаза,
Имеющие чуткие, прислушивающие
уши,

Тәжә ала көрө бәргәр,
Тәбә ала сыңај бәргәр!

Пронизывая взглядом, посмотрите,
Проникая насквозь, всматривай-
тесь — вникайте!

Тос разужают, где пасся конь и где росло дерево. Их слова шаман повторял присутствующим.

Духи откликнулись шаману:

Аајтә, аајтә, аајтә!

Шаман пел:

Алты өркөштү ак аданның алтын
кажын,

Алтын сајлу аңа Томиның,

Аңам сағыс, Кајраканның појунаң
кәстір.

Алты өркөштү ак аданға јапкан
байтал,

Әјәлү сийдү әкі оскоттның,
Аңам коңыс Кајраканның ічіндә
өстүр

Золотую обечайку шестигорбого
белого бубна

На реке матери Томи с песчаной
отмелью,

На берегу реки Саңыс матери моей
уважаемой,
оказывается, срубили.

Байтал, шкура которого пошла на
обтяжку шестигорбого белого
бубна,

На берегу рек двух сестер Оскот,
В предалах матери моей Коңус ува-
жаемой, оказывается, вырос

Алты кѳстѳ ала барсын Улу Бајат Шестиглазый пестрый барс,
ічінаң,
Јѳрәкәј канның појунаң кәстір.

На берегу реки Большой Бочат,
В пределах самого хана Урекей,
оказывается, срубили.

Духи — тѳс'ы — показывали шаману все места, где ходил конь, тот склон горы, где росло дерево. Шаман долго (иногда 2—3 часа) ходил взад и вперед и рассказывал своим слушателям и духам:¹

Алты ѳркѳштѳ ак аданың алтың
кажын!

Әнә Томның кажынаң рак әмәс.

Пуік тундуң пурунаң,

Кун тѳстѳгѳ јанынаң,

Кузук ағашту кәскән полтур.

Кузук ағашту кәскән јәрдаң туруб-
алып,

Кѳн тѳстѳгѳн кѳргѳндѳ,

Јажыл торко јізѳан ошкош,

Јаказы сылу Том әнә полтур.

Кызыл торко јажандыј,

Кујузы сылу Том әнә полтыр.

Мының пѳткән јәрім кѳрзѳң.

Јоньп кѳѳон пілѳді ошкош,

Мындаѳы пѳткән ағашты кѳрзѳң,

Кошкоп јонгон окты ошкош.

Сыбыскыдыј тууларын кѳрзѳң.

Сылаѳардыј сындарын кѳрзѳң,

Мындаѳы јаткан јурттарын кѳрзѳң,

Мындаѳы јаткан әләдәрің кѳрзѳң,

Кара чымындыј кѳбѳзѳн кѳрзѳң,

Мындаѳы нѳткән малдарын кѳрзѳң,

Кара таандыј кѳбѳзѳн кѳрзѳң,

Пулардың ічкән сууларың кѳрзѳң,

На золотую обечайку шестигорбого
белого бубна!

Недалеко от берега матери Томи,

На склоне высокой горы,

На полуденной стороне,

Кедр дерево срублен был,

Стоя на том месте, где дерево —
кедр срубил,

(Человек его срубивший) на южную
сторону поглядел,

Словно зеленый шелк разостлан —

То берег матери Томи был,

Словно красный шелк разостлан —

То откосы матери красавицы Томи
были.

На созданную здесь землю, если
взглянешь,

Она подобна отточенному брусу.

Если на здесь выросшие деревья
взглянешь,

Они подобны обстружанной и оскоб-
ленной стреле.

Если взглянешь на свистящие горы,

Если взглянешь на сглаженный
хребет,

На раскинувшие здесь стойбища
если посмотришь,

На живущий здесь народ если
взглянешь,

Их много, как черных мух.

Если на тот пасущийся скот взгля-
нешь,

Его много, как черных галок.

На те воды, которые они пьют,
если взглянешь,

¹ Кам чѳнәп јат — шаман видел и узнавал посредством своих духов.

Абын суу үс тадыпј ат,

Ак чабағы мај тадып јат.

Ајлана пүткән тууларын көрзөң,

Ак туманы јаыл-турғаны

Албаты јоның ажырат турған.

Алдызының көбүзін көрзөң,

Ак көбөлөктіј јабырап турғанын;

Топтој-пүткән тууларын көрзөң,

Толбонып аккан сууларын көрзөң,

Тус туманы јаылып турғаны.

Тундура пүткән јыштарың көрзөн,

Тәкші калыбын ажырап турған.

Канатту кужунуң көбүзін көрзөң,

Көк көбөлөктү кұбурап турған.

Кузук ағашты кәзәр тушта,

Көк сү тујук күндү әл

Туудың пурунаң турупалып,

Әбәрәдә көрүп макатып туру,

Калтағым сәәни! Таған болтур:

„Мында јадып јуртазам-чи!

Мында јадып әлдәзәм-чи!

Мынаң ојто јанбас ползом-чи!

Мынаң ојто пурбас ползом-чи!

Аныјып сүләп көңүлгән болтыр.

Кузук ағашту кәзәрдә,

Канча илгәниң алқаған болтыр,

Үссүн Үлгәниң адаған болтыр,

Адынгы јузын қычырған болтыр,

Текущая вода кажется сладкой, как навар,

Белый чабак-рыба на вкус, как масло.

Если взглянешь на горы, кругом выросшие,

Белые туманы (с гор) расстилаются.

Если посмотришь на множество зверей,

Что кормят подданный народ,

Они, словно порхающие белые бабочки.

Если посмотришь на кучеобразно нагроможденные горы,

Если посмотришь на извилисто текущие реки, —

Расстилаются солеобразные туманы,

На выросшие непроходимые леса посмотри!

Если на множество крылатых птиц,

Весь народ кормящих, взглянешь,

Птицы умножатся, точно синие бабочки.

В то время, когда срезали дерево кедр,

Живущие под солнцем люди,¹

Стоя на склоне горы,

Смотрели кругом и восхищались.

Они восклицали:

„О, если бы я здесь жил!

О, если бы я тут обитал!

Если бы мне отсюда не возвращаться!

Если бы отсюда назад мне не повертываться!“

Когда так говорили, задумались.

Перед тем, как рубить дерево,

Как умели, знали — произносили благословение.

Вверху находящегося Ульгена называли.

Внизу находящихся духов призывали.

¹ көк сү тујук күндү әл — с замкнутой грудью человек; в шаманском языке означает — простой, обыкновенный человек, не шаман.

Ак сагжын санаган болтыр.
Алчак кылыгын кылынган болтыр,

Анып кәзіп пурулган болтыр.
Алты өркөштү ак аданымның,
Анам Оскоттың ічіндә,
Ак пајталы тулган јәрі,
Анам Коңыс, Кајраканның којнуида
полтыр.

Ак пајталды әміскан әкәзің мыны
көрзөгөр!

Ак чалдарда-да түктү балтыр.

Оң јарында јалы балтыр,

Кујруғы јалы көк чалдар балтыр,

Күйндәгә оң ајағы ажыгында
Чабазанан акту балтыр,
Тунчуғында кол пажымы акту бал-
тыр.

Анаң тулган ак пајтал,
Ак Улгәннән јайылу балтыр.
Алты өркөштү ак аданға,
Уссун Улгән пујурган балтыр.

Улгәннән үзүлү балтыр,
Јузунаң јарғылу балтыр,
Ак пајталдың ічкән суу,
Анам Оскоттың өзөгү балтыр.
Ак пајталдың каап јүгән өлөннің
көрзөгү!

Ак јазының појунаң әмтір!
Өлөннің болзо, курчун каап,

Суудың болзо, сүгүнүп тартып!

Ағын суун тартканда,

Арка јалына мај өргөн балтур;

Өлөннің курчун капканда,
Кујуугу јалына мај өргөн балтур!
Көзі јаман көр бөгөн балтур,
Күні јаман таң дабајг,

Чистыми мыслями мыслили,
Добрыми намерениями себя наст-
раивали.

Так срубив, назад воротились.
Мой шестигорбый белый бубен,
В пределах матери моей Оскот,
Земля, где родился белый байтал,
У подножия матери моей, Коңыс
уважаемой, оказывается, была.

На мать, вскормившую белого бай-
тала, вот поглядите!

Она была, оказывается, бело-игре-
невой шерсти,

Грива у нее была на правой сто-
роне,

Грива и хвост у нее сине-игренивые
были.

У лодыжки задней правой ноги

Щетка белая была,

На носу белизна была, словно отпе-
чаток пальца.

От нее рожденный белый байтал,
От белого Ульгения сотворен был.
Для шестигорбого белого бубна
Верхним Ульгением предназначен
был.

От Ульгения предопределен был,
От духов јәр-јол присужден был.
Водой, которую пил белый байтал.
Были истоки матери моей Оскота.
На траву, которую белый бай-
тал захватывал и поедал, по-
глядит!

С белой степи она, оказывается.

Из всех трав он самую сочную
хватал,

Воду он самую сладкую, втягивая,
пил.

Когда он втягивал в себя текущую
воду,

На спине и на шее подгивный жир
нарастал,

Когда он схватывал сочную траву,
У хвоста и гривы жир нарастал.

Худой глаз его не видел,
Зломыслящий ему не удивлялся.

Аның жүргән жазызын көрзөн,

Жазап јонгон пілүді балтыр.

Абарә јанын көргөндө,
Аабан әдәр намә јок әмтір.

Јаја туруп көргөндө,
Јалбаң әдәр намә јок полтыр.

Ак јазының бојында.
Күн кәләттән јанында,
Тус јалбуу полбон балтыр,
Күн түстүгі јанында,
Күчү дә ползо, туу балтыр.
Ак јазының бојында,
Өлөң үјә алынганда,
Ак пајтал тулған балтыр.
Тулғаннаң сөндә.
Абын суу кабыжарда,

Ак тајка пурун караларда,

Ак бајталды арка кујрузун салынып,
Ал пөрү аларға сүртүр;

Көгүс курузун салынып,
Көк пөрү ак пајталы тударға,
Ак пајталдын үрүзінә,

Аразына кіргән болтур.

Ак Ылгәннәң јајалған болуп,

Ал пөрә алдырбај Салтыр;

Көк Ылгәннәң тәмдәлгән болуп,

Көк пөрө туттурбај салтыр.

Алдындағы оң ајағы тујғабындаактү,

Кол пазымы пәлгәлү балтыр.

Ак пајталдың суғат тарткан јәрләрі
Күн түстүгү јанында балтыо.

Если поглядеть на степь, где он
ходил,

Она словно брус, сглаженный и
ровный.

Когда кругом посмотрел —
Нет ничего, что возвышалось бы
в степи.

Широко окинув взором, посмотрел,
Ничего нет, что нарушало бы рав-
нину степи.

В белой степи самой,
В стороне восхода солнца,
Солонец там был.

На южной стороне
Хотя и маленькая гора была,
Когда в чистой степи
Трава завязывалась узлами,
Белый байтал родился.
После того, как он родился,
Перед тем, как текущая вода ско-
валась льдом,

Перед тем, как белая тайга покры-
лась снегом,

Чтобы белого байтала схватить,
Сильный пестрый волк, закинув на
спину хвост

За ним погнался;
Поджав хвост,
Синий волк, чтобы поймать белого
байтала,

В середину конского косяка за-
брался.

Будучи сотворенным от белого
Ульгения,

Белый байтал не поддавался сильному
волку;

Будучи отмеченным синим Ульге-
нем,

Он не дал синему волку себя схва-
тить.

На правом копыте передней ноги
белое пятно — знак,

С нажим пальца, был.
Местность, где имел водопой белый
байтал,

На полуденной южной стороне,

Аһам оскоттун јуртунуң
Суфат тартарға тўшкандә,

Јардына чапчак салынып,
Төрт чўрмажі төгүлүп,
Кыс ордозы арў јаш.
Ак пајталды көргөн балтур.
Суу сузарын ундуп салып,
Ак пајталды көстөжип,
Узак пакатып көргөн балтур.
„Калтағым сәні тәгән балтур,
Јалы-мынаң јабраш полтыр,
Кујруғы өсө кулаш болор,

Кандіј кўндүдің малы-на?!

Мән абамның күткәні
Чул-ан толтыра малу пар.
Јәтти ајбыр малында,
Поо јадәр малы јок таптір.

Толзо толбозо јажын толғон,

Јәтсә јәтпәзә, појојо јәткәм.
Күз'ә күјбәзә одым күјгәндіј.
Ізібізә-дә ордың изідән.

Тўлај пашту тў јалағалу.

Мән абам тәгән балтыр,
Алдың пажын әбїргән,
Алтын акчалу бај әдә.
Ажымды мәнің ічкән болғон
Ағылымды көргөн полғон.

Ак јайыкта суфаттў,

Таңај көлдө ордолу,

Аһам Мајғыл, Кајраканның,

Танај көлдүн појында,

Паза пајдың ўлуна,
Аракымды ічкән полғон.

От стойбища матери моей Оскот,
Когда белый байтал спустился к
воде, чтобы напиться,

Взяв ведро на плечи,
Развевая четыре косы свои,
Из девиц нежнейшая девица,
(К реке пришла) и его увидела,
Позабыв почерпнуть воды,
Вглядываясь в белого байтала,
Долго, восхищаясь, она смотрела.
Восхищенная, она говорила:
„Грива у него пышная,
Если хвост подрастет, то станет и
сажень,

Какого это человека, живущего под
солнцем, скот?!

У моего отца полный двор
Нажитого им скота.
Среди семи косяков коней,
Коня, который с этим мог бы срав-
ниться, нет.

Хотя и не исполнились, но испол-
нились лета мои,

Хотя не дошла, достигла я до зре-
лого возраста.

Если не горит, вот, вот загорится
огонь мой,

Вот согрелось место моего лежа-
ния — постель моя.

Мой отец, она сказала,
Головами народа ведает,
Много золотых монет имеет он.
Он, просватал, пропил меня,
Мое желание (выйти замуж) усмот-
рел он.

Имеющему водопой на белом раз-
ливе,

Имеющему место обитания на озере
Танай,

Во владении матери моей Майгыла
уважаемой,

На самом озере Танай живущему,
он пропил меня.

За сына другого богача,
Он, выпив водку, меня просва-
тал.

Качан уjlū ашту ползон,

Аjыpлу малы кәрәк jок әдә.
Мына, бу малды садыбы-алып,
Мән абам малданарға,
Ма jадәктәп пәрәттән болзо,

Алкыжым jәтсін тәгәj әдәм“

Аныjып сүlәп айткан болтыр.
Ак аданға jарган байтал,

Ары паскан jолунда,
Аjlū күндү туштаңанда,

Аны мактабас кижі jок полтур.

Әнij jараш пайтал болтыр!
Әкi jашка jәткәндә,
Әнә Баяттың ичинә,

Әкi күндү әl парын,

Саныбы-алып аккәлгән балтыр.
Ак пайталға jараган болтур,

Ак аданға jабылған болтур.
Ала барзын кәскән jәрін

Көрзөгөр мыны!
Jурәкәj канның боjунда.
Күн түштүгү jанында,
Топтоj пүткән тулардың
Тудуң пажынаң кәскән болтур.

Ала барсты кәскән jәрдәң,

Аjландыра көргөндө
Әнә Баяттың jазымы,

Ажыра көрүнгән jәр болтур.
Күчү Баяттың коjымы,
Кәчирә көрүнгән jәр болтур.

Когда я буду иметь свое хозяйство
(свой дом и хлеб)

Не надо мне будет косяка лошадей,
Вот, если бы он этого коня купил,
И, держа за повод, отдал бы мне,
Чтобы мне держать его среди своего
скота,

Я бы сказала ему: „да дойдет до
тебя благословение мое!“

Так девица говорила,
Когда белый байтал, шкура кото-
рого пошла на обтяжку белого
бубна,

На тропах, где он ходил,
Встречал людей, живущих под
солнцем и месяцем,

Не было ни одного человека, кото-
рый его не похвалил бы.

Такой уж хороший байтал был!
Когда байталу минуло два года,
В пределы — во владения матери
Бачат,

Два человека, живущие под солнцем,
отправились.

Купив его, привели (сюда).

Конь годился быть белым байта-
лом,

Шкурой его был обтянут бубен!
Где была срублена рукоятка, пест-
рый барс,

Для шестигорбного белого бубна!
Во владении самого Ёрекай хана,
На южной стороне

Нагромождение выросших гор!
На вершине горы она срублена
была!

С того места, где рубили пестрый
барс,

Когда кругом поглядели,
Видна была местность далеко за
пределами степи Бачат,
матери моей.

То была земля, которая видна была,

За пределами — за пазухой — Ма-
лого Бачата.

Ала барсты кәскән күндү,

Көзү мының отту болтыр;
Көксү мының ојлу болтыр.
Ала барсты кәзәргә
Аланчыбынан чығарда,

Ак чачылды тәмдәп туттур.
Тәкші тәңәрәзин тәкші адаптыр,
Үлгән бајаназын үзә адаптыр.

Әлгә ползо әптү болтыр.

Јатка болзо, јарулу болтыр.

Ак јалдынаң чығарда,

Аштың болзо, үрсүм ічип,
Әрәән пара'ан тушкән полтур.

Алча пөккө түшкәнің көрүп

Тәргәп тәскәп чығарған кижіәр
Паза јаш ұланды јакшы әрді
Аа кожо тәргәгән болтыр,

Ала барсты кәскән јәрдә

Көксү тујук күндү әі,

Самајына чал капкан,
Чачына мының пурул капкан,

Әр јічit алкыш сөзүн ајдалбај.

Ажыра ашты ічкән полуп,
Алча пөккө тужә бәртір.
Кожо парған јаш улан,
Ала барс-ты кәскән полтыр.
Ак сағыжын санаған балтур.
Алчак кылығын кылыңған балтур.
Алкыш сөзүн пібәс полтыр.
Ала барсты кәскән полтыр.
Аланчыкка ај јалдына.

Ала барсты кәзібә-алып.

Солнечный человек, срубивший
пестрый барс,

Имел огненные зоркие глаза
И ясный широкий ум.
Чтобы итти рубить пестрый барс,
Когда он выходил из дома — алан-
чыка (юрты),

Белое кропление он совершил,
Всех небесных духов, всех называя,
Ульгений бајана всех до одного
называл,

Среди своего народа он общитель-
ным был,

Среди чужих он обходительным
был,

Прежде, чем отойти от очага (от
белого пламени),

Из питья он навар выпил,
Из водки он наиболее крепкой на-
пился, и, охмелев, упал.

Видя, как он падает, то вверх лицом,
то вниз лицом,

Люди, которые его снаряжали,
Еще молодого парня,
Хорошего мужчину с ним вместе
снарядили.

На том месте, где рубили пестрый
барс,

Простой человек (не шаман), живу-
щий под солнцем,

С висками, охваченными сединой,
С волосами, которых коснулся бу-
рый — седой налет,

Мужчина (этот) слов благословения
не мог произнести;

Чрезмерно сильно пьян он был.

Падал вниз лицом и вверх лицом.

С ним вместе пришедший юноша
Пестрый барс срубил.

Добрыми мыслями он мыслил.

Имел хорошие намерения,

(Но) слов благословения не знал.

Пестрый барс он срубил.

В жилище — аланчык — к чистому
очагу,

Срубив пестрый барс,

Алкышчы жігітті албанча,

Аныып алар жанган јолунда.
Анаң жанган јолунда

Ала барсты кәскән күндү.

Ајлана јанын көргөндө
Кызыл торко јайчан ошкош,

Кујузу кыјмат пајадым, дәп.

Коңалүп сарнап жанган балтур.

Јажыл торко јайгандыј

Јаказы јараш Бајадым, дәп,

Јазап сарнап јанган полтур.

Затем шаман обращался к тем, кто привел коня и срубил деревья:

Алты өркоштү ак аданның,
Алтын казың кәскән ајлү,

Ак пајталды тап кәлгән күндү әл,
Ала барсты кәзіп кәлгән күндү кі-
жіләр,

Јагы пулардың узак ползын!

Јајанп пулардың мөнкү ползын!

Сабағаның сүдү чачылыз!

Јастат күстәп мал күт-сә,

Јабаға тајы көр ползын!

Күстәп јастап мал күтсә,

Кунајын тајы көр ползун,

Әжігіна әл турлазын,

Взяв с собой мужчину, который
должен был произносить благо-
словение.¹

Так он назад возвращался,
В пути, когда они направлялись
домой,

Тот солнечный человек, что срубил
барс,

Всю местность взглядом окидывал:
„Словно расстелившийся зеленый
шелк,

Моя Бачат с дорогими берегами!“ —
говорил он.

И так, размышляя и напевая, домой
возвратился.

„Подобно разостланному красному
шелку,

Моя Бачат с красивыми берегами“ —
говорил он,

И, напевая, домой возвратился.

У человека, срубившего золотую
березу для шестигорбого белого
бубна,

У народа, нашедшего белый Байтал,
У народа, срубившего пестрый барс!

Приговор творца для них вечным
пусть будет!

Пусть плодится во множестве их
скот.

Пусть рабрызгивается обильно мо-
локо!

Летом и осенью, если будет пасти
скот,

Пусть молодняка жеребцов у тебя
много будет.

Осенью и летом если будет пасти
скот,

Трехлетних и четырехлетних жере-
бят пусть много будет.

У двери их пусть народ толпится,
скопляется,

¹ Но опьянел и не мог говорить.

Түнүгінә куш турлазын,

Алдыңгы адагін пала пассын,

Кіјінгі адагін мал пассын!

Айдаң алардың алары ползын,
Алгә пәрәрдін пәрәрі ползын!
Мән алказам јәтпәзә

Үлгән бајанам алказын!

Мән сүулазім, јәтпәзә,

Үлгән бајанам алкап јәттүрзін!

В дальнейшем своем пути, от места разделения дорог семнадцати ханов к акмар'у шаман встречал обитающих там „юзют'ов“. Үзүт — души умерших людей. Самые старшие из юзют'ов — муж и жена Орсок и Падүкај — являлись действующими лицами этого камлания.

Шаман, не доходя еще до этих юзют'ов, рассказывал, как они гонят водку и, подражая их голосам, изображал, как они спорят между собой и как, завидя шамана, они в панике переругиваются.

Муж Орсок кричал:

О, Падүкај, кара јәргә кіргән!

Казаныңды качырған,
Таткуруңды¹ тадызан

Ајлү јәрдәң кам кәлтәт.

Таш очоғунды талап,
Талкан күлүңбу чачып,
Тағаныңды тағрадып,

Казаныңбы қаңграп,
Кара јәргә кідіріп іјәр!

Жена Падүкај отвечала:

О, Орсок, кара јәргә кіргән!

Сән нәні атпјазын?!
Јукуну јышкырып јышкырып,
Одуннаң салзан!
Аракының пуу капшығај кәлзін!

У дымохода пусть птицы собираются!

На передние их полы пусть наступают дети,

На задние их полы пусть наступает скот,

Пусть будет им, что взять от народа!
Пусть будет у них, что дать народу,
Если я благословляю и до них не
дойдет благословение,

Пусть благословит их сам Ульгень
Байјана!

Если я скажу и мои слова не дойдут до них,

Пусть дойдет до них благословение
Ульгения!

О, Падукај, в черную землю вошедшая,

Подгоняй твой котел,
Пробуй крепость — готовность
водки!

Из земли, освещенной месяцем, шаман идет!

Твой каменный очаг он разрушит,
Твою золу — талкан развеет,
Твой таган — треножник — полетит
побрякивая.

Твой котел он заставит греметь.
В черную землю заставит пойти!

О, Орсок, в черную землю вошедший,

А ты что делаешь?!
Огонь под казаном расшевели,
Дрова клади!
Пар от водки пусть скорее идет!

¹ Таткур — палочка с привязанной к ней холщевой тряпкой, предназначенная специально для пробования водки.

Орсок:

О, кара јәргә кір, Падұкај!

Кәбің сууп самајын салактап,

Чимгірігің абып,
 Ұзу мурдуң жалбылбап,
 Сәң тәргүүң пүтпәйтән!

Кәчә азып алған полбоң,
 Јіп алған полор әдәк.

Падұкај:

О, Орсок, кара јәргә кіргән!

Казан камышты тәмір јәсті,
 Одун сууды мәні кәдүң алзын! Тәп
 санаған.

Әр полјадып, сән тәргән тәскәбә-
 гәндә!

Орсок:

О, Падұкај, кара јәргә кір!
 Азарға, азарға тәп,

„Аракыны“ сән устаң салбај,
 Пәләндәп јазың!

Пу туј әртсін тәп.

Мән ајткам-ок укпағанзың!
 Кара јәргә кіргән,
 Көр чорған аңдарыл-полтыр!
 Јакшаа мінјәт әмәс-пә!
 Сән-бә каза паскаңда

Јакшы полбојтон!

Јә! Мына! Кам јәт кылат!

Каніј парарык! Каніј кірәрік!

Шаман подходил к кѣнѣкам и толу и совершал над ними алас. Потом призывал своего духа „кѣр балык“, повторял обращение к нему и снова опоясывал себя этой рымбой (курчуланјат).

Затем шаман приближался к жилищу юзютов и с помощью духов начинал разрушать их стойбище. Он говорил, обращаясь к своим духам:

Канду ұзұт кара јәктің,
 Таш очоқун талап чыккар.

О, войди ты в черную землю, Падукай!

Вид твой отвратительный, волосы торчат на висках.

Сопли текут,

Рот и губы мокрые, отвисли.

Никогда своевременно у тебя ничего не бывает готово!

Если бы вчера приготовила водку,
 Мы бы успели напиться!

О, Орсок, в черную землю ушедший,

Казан и половник, железо и медь,
 Дрова и воду, где бы я взяла, ты
 думаешь!

Ты муж, а не приготовил ничего!

О, Падукай, в черную землю войди,
 „Приготовлять, приготовлять водку
 надо,“

(Слово) „водка“ из уст не выпуская,
 Ты все время (одно и то же) повто-
 ряешь!

Я же говорил, что пропустишь зря ты время,

А ты не слушала.

В черную землю ушедшая!

Смотри трубы¹ опрокинулись.

Не к добру же делается это!

Как только ты станешь на чем-либо
 настаивать, добра не бывает.

Ее! Вот кам подходит!

Куда мы уйдем?! куда мы войдем?!

¹ Чорҕо — изогнутые две трубы от прибора для выгонки водки.

Талкан күйүн чачып чыккар!
Тазандарың табырадып,

Казандарын коңрадып,
Ојуп толку салып чыккар,
Ајлұ јәрдің алтын кудун.

Мән каппазам, сәр кабығар,
Мән албазам, сәр алығар!

Талкан воду разбросайте!
Таганы — треножники их заставьте
гремять,

Казаны их заставьте бряцать,
Разрушая, ради забавы, взволнуйте!
Золотую душу, что пришла из земли,
находящейся под месяцем,
Если я не поймаю, вы ловите,
Если я не схвачу, вы хватайте!

Шаман быстро вертелся, громко кричал. Ему вторили все присутствующие: это шаман и его духи проходят место обитания үзүт'ов, разрушают их пабәрий, приспособленное для выгонки водки, рушат их жилище и губят самих юзют'ов (үзүт үйүн талап јат). Самые крики отчаяния погибающих юзют'ов. Шаман, остановившись ненадолго, кричал, подражая голосам юзют'ов, и затем снова кружился.

Теперь шаман приступал к ловле ушедшей души — јула кап јат¹ с криком: „оп куруј“ шаман ударял в бубен и, постепенно опуская его все ниже и ниже, приближался к полу. Там он соединял обе руки, держа одной — бубен, другой — колотушку, и порывистым движением поднимал бубен вверх — это означает, что шаман поймал јула. Затем быстро вертелся. Держа обе руки соединенными на уровне лица (держа јула), он призывал кого-либо из своих духов, которому и поручал хранить эту душу. Ударом в бубен шаман отсылал јула к этому духу.

Потом шаман призывал талајкан'а и поручал ему затопить своими водами остатки жилищ юзют'ов, разрушенную шаманом и его духами местность.

Көбүктүдә Көлбөй-кан,
Балыктуда, Балај-кан,
Чыгытуда чымај-кан,

Тал таптылу Талај-кан!
Ак јайыңын тартып кәл,
Ак јіткәгің салып кәл!
Кәнбу үзүт кара јәктің,
Кара јуртун казып пар,
Үзүт јуртун ојуп пар!

В пенистых водах Кольбөй-хан,
В водах, полных рыбы, Балай-хан,
Там, где скопление влаги, Чымай-хан!

Имеющий тапты-тал, Талай-хан!
Белый разлив твой протяни,
Белым болотом твоим заболоть,
Черное стойбище кровавых юзют'ов,
Черных нечистых, разрой,
Юрты юзют'ов уничтожь!

Шаман вертелся. Погибающие юзют'ы откликались.

Орсок кричал:

„О, кара јәргә кір, Падүкај!“

„О, войди ты в черную землю,
Падукай!“

Падүкај кричал:

„О, кара јәрга кір, Орсок!“

„О, в черную землю войди ты,
Орсок!“

¹ Душа јула может, по представлению телеутов, в любой момент уйти от человека. Человек, которого покинула душа, долгое время может и не замечать этого. Вот почему во время камлания шаман искал и ловил такие ушедшие и блуждающие души, чтобы потом, когда обнаружится пропажа души у того или иного из его больных клиентов, эту душу вернуть ее владельцу.

Орсок кричал:

„Оно! айткан! Кара jārgā kīr-пар-дың!“

„Вот, говорил ведь я, что ты в черную землю провалишься!“

Шаман вертелся в последний раз — это он проходил жилище юзютов и удалялся от них.

Шаман садился и, напевая, ударял в бубен. Он теперь приближался к духу кан Кычкыл'у.

Шаман отправлял вперед, прежде себя, со своими духами к хан-Кычкыл'у табу. Для этого он из числа своих көнөк'ов — трех, — отделил два и отсылал их к духу. В обращении к духу шаман будет говорить не „два көнөк'а“, а „три“, чтобы обмануть духа и преувеличить количество вина.

Шаман называл имя Кычкыл-хан'а:

Ак мардың ак Тажікка,
Ајбыр јалду кан-Кычкылға.

Үч јакалу аґыр толу,
Тура јіктү тое көнөгім,

Ар алды-мнаң јајалып кіргәр!

Пәш јакалу аґыр толу
Тура јіктү тос көнөгім,

Mäkiläğän paj сабам,
Ködürmäly köi тапши,
Ағы мардың кдазына,
Ајбыр јалду кан-Кычкылға,
Ар алды-мнаң јајалы-отур,
Мәнчә полуп кабылы-отур!

К белому мара белому Тайлыку,
К хану-Кычкылу, имеющему гриву жеребца.

Быстрый толу о трех воротах,
С поперечным швом берестяной туяс мой,

Впереди меня, мужа, направляйся,
Быстрое толу мое

С пятью воротниками,
С поперечным швом, берестяной көнөк,

Покачивающаяся богатая саба,
Поднимающаяся озеро — сельница.

К отцу белого мара,
К хан-Кычкылу, имеющему гриву жеребца,

Вперед меня продвигайся;
Так же, как я, мчись.

Произнося последние слова, шаман встал лицом к табу; отделив два из них, он отправлял их вперед себя к духу.

Шаман вертелся — он приближался, прежде всего, к живущему на пути духу хан-Кычкылу, духу Тажлык-хану или ак мар'у. Затем садился и, ударяя в бубен, обращался к этому духу. Это означает, что шаман подходил к жилищу духа ак мар'а:

Ағым мардың ак Тажік,
Көкүн мардың көк тајік,
Ала барска тајанған,
Ак аданның әзі кан!
Ак мардың ак тајік,
Ајбыр јалду кыс јäläc!
Оң көзунәң көргөј-минä?
Оң алкыжың пәрғәј-минä?
Аам көзүн көргөј-минä?
Арү чырајин паккај-минä?
Оң кулағын соңоткор,

Белого мара белый Тайлык — конь
Синего мара, сивый Тайлык — конь,
На белый барс (мар) опирающийся,
Белого бубна хозяин!
Белого мара белый Тайлык
С гривой жеребца девица Телес!
Правым глазом не посмотрит ли?
Правое благословение не даст ли?
Ласковым глазом не посмотрит ли?
Ласковое лицо не покажет ли?
В правом ухе заставьте звенеть,

Оң табаның сырлаткар,
Сол кулағың соңулоткор.
Сол табаның сырлаткар!

Правую ступню заставьте дрожать;
В левом ухе заставьте звенеть,
Левую ступню заставьте дрожать!

Шаман вставал с места. Подняв бубен на руке над левым плечом, проходил по солнцу два-три раза посреди комнаты.

Узнав о его приближении, слуги Тайлик-хан'a выходили ему навстречу.

Шаман садится на свое место и поет:

Көрзөгөр мыны, калың чәрүләр!

Посмотрите на это мощное многочисленное войско!

Tajlik-канның кан älçilär,
Kündük järdöң уткуј-баді?

Ханы послы Тайлык-хана
На расстоянии месяца пути не
встречают ли (нас)?

Кан äжігін ачар jär kälді,

Мы подошли к месту, где надо
открыть дверь хана,

Pij äжігін ачар jär kälді,

Мы подошли к земле, где надо
открыть дверь начальника;

Кан jарбызын алар jär kälді,

Мы пришли в землю, где увидим
приговор начальника,

Pij jарбызын алар jär kälді,

Мы пришли в землю, где получим
приговор хана.

Кан äжіккә ту'ула түстүм.

У двери хана я в тупик попал.

Алкыжым jätсін үссүн Ыlgängä!

Благословение мое да дойдет до
верхнего Ульгения!

Алкыжым jätсін алдыңы jуска!

Благословение мое да достигнет
нижних духов jär-jöl!

Шаман подошел уже к жилищу духа tajlik хана.

Шаман встал и совершил алас над толу и көнөк. Затем он встал и направился в угол, где стоит көнөк. Он изображал собою робко входящего человека: шел медленно, маленькими вершковыми шагами, как бы не решаясь войти в жилище духа. Шаман подходил к первой двери жилища tajlik-хана.

У двери духа шаман оставлял одного из своих спутников духа — кірбі тај.

Медленно продвигаясь вперед, шаман говорил:

Ајдың ползо аруунда,
Күннүң ала көркүүндә,
Јылдың бажы ајланғанда,
Јылан бажы сојалғанда,
Ämäл ағаш пүр алғанда,

В новолуние,
При сиянии солнечных лучей,
Когда голова года повертывается,
Когда змея сбрасывает кожу,
Когда плодовые деревья покрыва-
ются листьями,

Ääk ку'ук кыҗырғанда,
Jär jарылып көк чыкканда,

Когда кукует кукушка,
Когда расщепляется земля и показы-
вается зелень,

Ағаш jарылып пүр чыкканда¹

Когда расщепляются деревья и вы-
растают листья.

¹ Эти слова шаман говорил, если камлание совершалось весной. Если камлал осенью, он начинал словами: коңур малдыј.

Обращался к своим духам:

Пір әжігін ача кіргәр,
Пір адамнаң жарғы алыжа кабыл-
кіргәр!
Пір суруға сурај-кіргәр,
Пір тілүгә тіләј-кіргәр!
Поғор тізәм пағынып кіргәр,
Подолбу мојнум суна кіргәр!
Үч поғуна мөргүј кіргәр!

Открывая одну дверь, входите,
От одного отца моего приговор
получая, подхватите!
Одну просьбу прося, входите,
Одним языком прося, входите!
Предназначенные к сгибанию мои
колени, преклоняя, входите,
Вытягивая позвонки шеи моей, вхо-
дите,
Трижды сгибаясь и кланяясь, захо-
дите!

Шаман открывал первую дверь жилища Тәјіік-хана. У двери его останавливал привратник Тәјіік-хан'а. Он окрикивал входящего шамана.

Шаман делал круг по полу и произносил, подражая крику привратника:

Аәәј! Кіжі кәлзә кјдјрбә-тәгән,
Кіік кәлзә пастырба тәгән,
Јыда-мынаң јымыр-тур-тәгән,
Кылыш-мынаң кымыр-тур-тәгән!

Ееей! Если человек придет, не
давай входить ему, — говорил.
Если дикая коза придет, не выпускай
ее, — говорил.
Пикой коли, — сказал,
Мечом руби, свертывай шею, —
сказал!

Шаман повертывал, шел от переднего угла дома по направлению к печи и прикасался колотушкой бубна к голове одного из присутствующих, сидящего около печи. Это означало, что шаман воплощает, „вбивает“ в него Тәјіік-хана — духа-привратника и этим присоединяет его к числу своих спутников-помощников. Это действие шаман повторял и в дальнейшем, у всех трех дверей, через которые он пройдет по дороге к духу. Слегка ударяя колотушкой по голове выбранного им человека, шаман говорил:

Абрәј, абрәј, абрәј!
Кан алдында козыр бол,
Піј алдында піік бол!
Канға кірзән камајба,
Піјгә кірзән јалтанба,
Канға кірзән кәјрал ал,
Піјгә кірзән пілді көр.

Абрей, абрей, абрей!
Перед ханом сильным будь,
Перед начальником высоким будь!
Если к хану войдешь, не стесняйся,
Если к начальнику войдешь, не
испугайся (не отшатывайся).
Если к хану войдешь, милость по-
лучи,
Если к начальнику войдешь, муд-
рость увидь.
Язык твой острым пусть будет,
Колени твои пусть будут вдавлены
в землю!

Тілің ала јару тарт,
Тізән ала чәгү тарт!

Шаман проходил первую дверь и подходил ко второй. У второй двери он также разговаривал с привратником.

Подойдя к какому-нибудь другому человеку, сидящему у печи, шаман совершал над ним обряд абрај — ударял его колотушкой и произносил то же, что и у первых дверей, добавляя лишь следующие слова:

Алтын кәстік пыкының пыч!

Золотым ножиком, бедра твои
обрежы!

Пройдя вторую дверь, шаман подходил к третьей, где он также встречал привратника.

Шаман опять совершал над кем-либо сидящим у печи обряд абрај, заканчивая свое обращение словами:

Золотой иглой веки глаз твоих сколи!¹

Характер напева у шамана совершенно менялся. В голосе слышны подобострастие и мольба. Он кланялся и размахивал слегка бубном, качая его перед собой. Шаман пришел к Тајік-хану со словами:

Аяј мөргү, аяј мөргү, аяј мөргү!..

Шаман, кланяясь и покачивая перед собой бубен, медленно двигался по направлению к переднему углу дома. Затем, раздвинув руки, он отступал назад. Так он повторил три раза, — шаман не решался подойти к духу.

Тајік-хан обращался к шаману и спрашивал его, откуда он пришел.

Ааај! Пуду-мынаң сідінәрдәң

Ааай! С тех пор, как начали опираться на ноги,

Мурду-мынаң тынардаң ала, кам!

С тех пор, как стали дышать устами, кам!

Канатту учпаған,

Имеющие крылья не залетали,

Кајбакту паспаған, кам!

Имеющие ноги² не заходили, кам!

Ак аданың сағыраып,

Белым бубном твоим бряцая,

Таш орбуна тајанып,

На каменную колотушку твою опираясь,

Табылғыңа шідәніп,

На таволгу твою облакачиваясь,

Ала барска тајанып,

На пестрого барса опираясь, как на посох,

Ак адаңа Сөбөнүп,

На белый бубен опираясь,

Кажы јәрдән кабылып чыктын;

Из какой земли ты, мчась, поднялся,

Кажы јәрдән күләп чыктын?

Из какой земли, напевая, пришел?

Ады јолуң ајдын, кам!

Имя и путь твой назови, кам!

Шаман продолжает размахивать перед собой бубном. Он называл имя того јайык'а, который почитался населением того улуса, в котором он камлаа.³

Шаман отвечал духу Тајік-хану:

Полорчык полған ај кара јыштаң
кабылдадым.

Из исчерна черной тайги я не примчался,

Алаканча ај јатыдаң күләп чыккам!

Из освещенной месяцем степи, с ладонь величиной, напевая, я поднялся.

Улу Бајат кәзә отурған,

От ведающей большим Бачатом,

¹ Чтобы не раскрывались веки.

² Буквально, лапы с когтями.

³ Канакай совершал камлание в улусе Чолухой, следовательно, должен был указать своего јар суудуң ази јыык'а, т. е. аңам јуракај.

Үссүн жаның үч казык,
Алдын жаның муң казык,
Үч толукту аңам Јүрәкәйдаң чыктым.

Ааāj, ааāj!
Кіжі болзо, ады полор
Кіік ползо, түктү полор!

Нә тәгәнің калдығызын,

Нә тәгәнің урәнізин?

Ады пажын ајдын, кам!

Шаман протяжно пел и качал бубен. Он отвечал духу:

Нә тәгәнің калдык полојын!

Нә тәгәнің урән полојын!

Укту удул¹ урәні-мін!

Учукчунуң² калдығы,

Төстү камның калдығы әдәм,

Јөлбө³ чүнүң урәні әдәм!

Шаман называл Тәјлік-хану имена всех своих предков төс'ов.

Шаман называл имена всех своих предков шаманов:

Кам Апурнак қабылғам,

Кам Сөlpөктөң тартылғам,

На верхней стороне, которой три
кола,
На нижней стороне, которой тысяча
колов,
От треугольной матери моей Урекей
я поднялся, пришел. Говорит:
Ееей! ееей!
Если человек, то он с именем будет,
Если дикая коза, то она с шерстью
будет!
Как называемого (кама) ты — последыш,
Как называемого (кама) ты — потомство?
Имя и голову твою назови, кам!

Как называемого (кама) я последыш
буду!

Как именуемого (кама) я семья —
потомство буду!

Я семья — потомство родовитого
шамана...

Я последыш того, кто скручивает
сухожилия — тетиву,

Я последыш шамана, имеющего
духов,

Я семья — потомство шамана, камла-
ющего с помощью лука!

¹ удул — синоним шамана (ср. монгольское удул — шамаңка). В шаманских призываниях шаман очень часто называл себя удул и удыл. узылү jäldү кам удул Канакај әдәм „я кам Канакај, рот которого приспособлен для разговора с духами“. Так же называли и духи шамана. Узы jäldү кам удулым „мой шаман, рот которого приспособлен для разговора с духами“.

² Учукчу — синоним шамана. Так называли шамана тогда, когда он камлаа духу јаңыс сам'у. Для того чтобы зашить земную щель, шаман с помощью особых мастериц сучил двадцать семь ниток из льна и сухожилий быка или коровы, называемых учук (в быгу учук называются только нитки для шитья материи). Этими нитками зашивалась земная щель.

Учукчу же назывался кіріш — тетива лука и бубна в шаманском языке.

³ Јөлбө — маленький лук, с помощью которого специальные гадатели и шаманы совершали камлание. Јөлбөјөргә — ворожить, шаманить с помощью лука.

Кам Отконноң кычырғам,
Кам Јәрәннән кнҗырғам,
Кам Миткәдәң, кам Митәмнаң!

Кам Јазы-балык кычырғам,

Кам Сарғабаң тартылғам,
Кам Кобордоң кыјбурғам,

Кам Пөнөк пазылғам!

Тәјлік-хан опять спрашивал:

Аәәј, әәәј!
Карада ала појуңнаң-ба
Калык-та ала кнҗидән-бә?
Ады бажың ајдын кам!

Шаман снова кланялся, протяжно напевая, и говорил:

Кара-да ала појумнаң әмәс,
Калык-та ала кнҗидән әмәс

Аршындајын тазылым бір,
Арбалајын кылғам бір,
Озү мының адазы полғон,
Ајлү јәрдәң ајырылған,

Арғымс канға сабылған;
Күндү јәрдәң ајрылған,

Күндүс канға сабылған.
Әр појумның өзү мәнің адам полғон.
Аләш тәгән әр јігіт.
Анын кулбу.

Анаң калған калдыктар
Аттың кулағы үч тўңәј,

Ән ортоны әр појумнуң.
Канакај тәгән әр јігіт-мін!
Әр појумнуң јәр әжіктәң кабыла
јәттим.

Арғымак ајак тәр алып јәттим,

Әрднҗ карағын јаш алып јәттим!

Я взывал из-за шамана Откон'а,
Я кричал из-за шамана Ерен'а,
От шамана Митке и от шамана
Мите!

Я взывал из-за шамана Язы — ба-
лык'а,

Я был притянут шаманом Сарга,
Я метался — был безумным из-за
шамана Кобор'а,

Меня давил шаман Пөнөк!

Есей, есей!
От черного ли себя (ты пришел)?
От народа-людей (пришел) ли?
Имя, голову твою назови, кам!

И не от себя, черного, я пришел,
И не от народа-людей я при-
шел...

Как у травы арчина один запал,
Как у зерен ячменя один колос,
Один отец у нас был.
От освещенной месяцем земли он
отделился,

К далекому хану отправился;
От освещенной солнцем земли он
отделился,

К отдаленному хану отправился.¹
У меня, мужа, родной отец был
Мужчина по имени Алеш.

Я его потомок —
От него оставшиеся остатки
Трое равных, как у коня уши, мы
братья,

Из трех братьев я средний буду,
Муж по имени Канакај!

Я сам от своих дверей, мчась, изну-
ря себя, прибыл.

Я прибыл, заставляя ноги коня по-
крыться потом,

Я прибыл, заставляя глаза мои на-
полниться слезами!

¹ Т. е. отец умер.

Тайлик-хан говорит:

Ääaj, ääaj!

Пистің јајаған кызыл курт,
Каыш курлу кара алманду,

Түктү пашту күндү әл!

Пілінбәгән пілінді-бә?!

Тыҗын баған тыҗынды-ба?!

Шаман говорил:

Јалынғанымды уркај-пәдін?!
Јалбарғанымды сәскәј-пәдін?!
Аам көзүң көргөј-пәдін?!

Арү чырај паккај-падін?!

Тайлик-хан:

Ääaj, ääaj!

Тайка ползон толу тутсаң,
Талај ползон аҗын тутсаң,
Кан јарҗызы анда полор!

Шаман повертывался спиной к көбөк'ам — обращался к каракуш — черной птице — и говорил:

Јас тырмакту кара куш!
Устар аткән тор ајағым,
Устар әткән кызыл чуңыр,

Колдоң колҗо кабыл түш!
Үч ороло курчај түш,
Алтын торын салып түш!

Шаман получал из лап черной птицы невидимую для присутствующих чашку. Он наливал в нее невидимое вино и подносил Тайлик-хану.

Шаман вставал лицом к көбөк'ам, держа в одной руке бубен, другой рукой размахивал колотушкой и обращался к духам:

Орҗучулар орҗыј салҗар,
Пурҗучулар пырҗыј салыҗар!
Узундаҗызын түбәнә,

Ееей, ееей!

Нами созданный красный червь,¹
Черный данник наш, имеющий ре-
менной пояс,
Живущего под солнцем народ с
мохнатой головой!

Не признающий, не хотевший знать
нас, признал ли?!

Не замечающий нас, заметил ли?!

Послушаешь ли мою мольбу?

Почувствуешь ли мое унижение?

Ласковым глазом твоим, не посмот-
ришь ли?

Благосклонное лицо твое, не пока-
жешь ли?!

Ееей!

Если поднесешь толу с тайгу,
Если поднесешь питье с море,
Тогда приговор хана будет!

Черная птица с медными когтями!
Сделанную кузнецом чашу „тор“,
Сделанную кузнецом красную, глу-
бокую,

Из рук в руки передавай!

Трижды окружая, спустись!

Золотую сеть — тор (на чашу), на-
кидывая, спустись!

Завиватели, завивайте — свивайте,
Мешатели, мешайте!

Сделайте так, чтобы находящееся
на поверхности стало на дне,

¹ Детский кут — зародыш — телеуты сравнивали с красным червем (кызыл курт), отсюда и народ — люди в шаманском языке носили название „красный червь“. С другой стороны, духи, называя так шамана и людей вообще, подчеркивали свое превосходство над ними.

Тубүндәгізін узуна!

Пірінчі ајак билгілү-јарғылу ајак,

Пірадамның алкышту ајак!

Ајлу чәјгән ак ајран,

Ај мурдуну ну јара алзын!

Күндү чәјгән көк ајран,

Тоң көксүндү полө алзын!

Шаман подходил к көйөк'ам и, держа бубен за рукоятку „барс“, касался ею көйөк'а. Проводил бубном пять раз по горизонтали — этим шаман делил содержимое көйөк'а на пять частей. Пять чашек абыртки он должен будет поднести духу. Шаман, повернувшись по солнцу, говорит:

Ажыра көрзөң адам Тајлік-кан.

Чтобы то, что на дне, стало на поверхности!

Первая чаша присужденная, законная чаша,

Чаша, имеющая благословение от первого моего отца!

Изготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран,

Пусть расщепит на две половины твой рот (т. е. пусть вызовет у тебя отрыжку)!

Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран.

Сквозь крепкую спину твою пусть пройдет — пусть разделит спину твою!

Проглоти, — пропусти, отец мой
Тайлык-хан!

Это означало, что шаман подал первую чашку духу. Шаман делал движение, как бы глотал напиток и громко отрыгивал: то дух выпил поданную ему чашу и указал на свое удовлетворение количеством абыртки.

Шаман подавал духу вторую чашку и говорил:

Акінчі ајак јарғылу ајак,
Акі адамның каданду ајак!

Оң көзүңнәң көргөј-минәң,

Оң алдыжың пәргәј-минәң?!

Аам көзүң көргөј-минәң?!

Арү чырајың паккај-минәң?!

Вторая чаша, законная чаша,

Второго отца моего, повторная чаша!

Не посмотришь ли правым твоим глазом,

Не дашь ли правое твое благословение?!

Не взглянешь ли ласковым глазом,

Не взглянешь ли с улыбкой в лицо?!

Шаман делал глоток и отрыгивал: дух выпил вторую чашку и остался доволен. Шаман подавал Тајлік-хан'у третью чашку и говорил:

Үчүнчү ајак үлгүлү ајак,

Үч адамның јарғылу ајак!

Кан тарынбас полбос-па,

Кара пағып көрбөс-пө?!

Третья чаша — образцовая чаша.

Третьим отцом моим присужденная чаша!

Разве не может хан не сердиться

Разве нельзя оглянуться ему и посмотреть?!

Піј тарынар полбос-по,

Пәрі пағып көрбөс-пө?!

Тайлык-хан, выпив третью чашку, снисходительно отвечал шаману:

Ääaj! Ääaj!

Ajlū čaġān ak ajran

Aj мурдумды јара алды!

Kūndū čajġān көк айран,

Тоң көксүмдү пөлө алды, кам!

Шаман подавал Тайлык-хану четвертую чашку, со словами:

Тортүнчү ајак jölgölū aјak,

Төрт адамның каданду ајак!

Äрікпазān әрдіні,

Пузукпазāн мурдунду сал!

Алтын јарғынды чәккәј-пидән,

Ajlūdīn kūnīn, көргөј-пидән?!

Kūmīš јарғынды пәргәј-пидән,

Kūnbūdūn kūnun көргөј-пидән?!

Подавая пятую чашу, шаман говорил:

Pälagаш канның пазінчі ајак,

Пәш адамның јарғылу ајак!

Калғанағын қағын пәргәр,

Каныма толо салып пәргәр!

Улу түбүн шыпкап туткар.

Оң көзүнән көргөј-мінә,

Оң алкыжың пәргәј-мінә,

Äзәндіккә пәргәј-мінә,

Älbāk kūngä јајај-мінә?!

Разве не бывает, что начальник не сердится,

Что разве нельзя ему в эту сторону поглядеть?!

Есей! Есей!

Приготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран, Через рот мой прошел — рот мой на двое раздвинул!

Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран, Сквозь крепкую грудь мою прошел — грудь мою разделил!

Четвертая чаша — чаша ворожбы, Четвертого отца моего [повторная чаша]

Если не наскучит тебе, прикладывай губы твои,

Если не питаешь отвращение, уста твои приложи!

Твой золотой приговор, не развяжешь ли?!

На живущего под месяцем человека не взглянешь ли?!

Серебряное решение твое не дашь ли?!

На человека, живущего под солнцем не помотришь ли ты?!

Пелегеш-хана (т. е. Тайлык-хана) — пятая чаша,

Пятым отцом моим присужденная чаша!

Последнее вытряхивая, подайте!

Хану моему полную чашу налейте!

Великое дню дочиста освободите — на дне ничего не оставьте!

Правым глазом не посмотрит ли,

Правое благословение не даст ли?!

Для благополучия не даст ли,

Для богатых — широких дней не сотворит ли?!

Шаман от имени Тайлик-хан откликнулся:

Äää! Äää!
Оң көзүминәң көрөрүм, кам!
Оң алкыжым пәрәрім!
Äзәндіккә тәмдарім,
Äлбәк күнгә јајағым!

Ееей! Ееей!
Правым глазом, я взгляну, кам!
Правое благословение дам!
К благополучию направляю,
Для легких, богатых дней сотворю!

Шаман говорил, уже несколько увереннее:

Ак Ылганниң јајунча
Алты өркөштү ак аданым,
Паштапкызым ала барста тајандым,

Согласно творению Ульгения
Мой шестигорбый белый бубен!
В первый раз я оперся на пестрый барс,

Ак аданға сөһидүм,
Ак мардың ак Тайликтәң
Арғыш сурап јајалып јәттим.

На белый бубен налег.
От белого мар'а белого Тайлык'а
Испрашивая благословение, я пришел.

Оң көзүниң көрүп калзан!

Правым глазом, если бы ты взглянул!

Оң алкыжың пәріп калзан!

Правое благословение, если бы ты дал!

Шаман от имени Тайлик-хана отвечал:

Äää! äää!
Алты өркөштү ак аданың,
Алты көстү ала барсың,
Салгындауда ужук ползың,

Ееей, ееей!
Шестигорбый белый бубен,
Шестиглавый пестрый барс твой!
В ветреные дни пусть будут тебе убежищем — защитой.

Сајлу күндә јөлөк ползун!

В ненастные дни пусть будут тебе опорой!

Јаңылғанда јаак ползун,

Когда ты ошибешься, пусть будет отвечать за тебя (пусть щекой будет).

Сүрнү кәндә тујбак ползун!

Когда ты споктнешься, пусть тебе опорой (копытом) будет!

Күндү әлгә туза ползун!

Народу, живущему под солнцем, пусть польза будет!

Шаман обращался снова к Тайлик-хану и просил у него спутника — помощника, чтобы идти дальше к Кычкыл-хану:

Мынаң озо қабылабадым,

До настоящего времени я не ходил к духам,

Тунаң озо күләбадим.

Раньше этого я не напевал!

Ар алдыма әлчї пәр,

Впереди меня (идущего) посла — спутника дай,

Паштап чығарға пашчы!

Чтобы руководил и вел меня, руководителя дай!

Шаман от имени Tajlik-хана соглашался и говорил:

Ар алдына алчі пәрәјін,

Да, дам тебе спутника, что впереди
тебя пойдет,

Пашпат чығарға пашчы пәрәјін,

Да, дам тебе руководителя, что
тобой руководить будет.

Карағаның көстө ползын,

Что глазом твоим увидишь, из глаз
не выпускай.

Кармағаның көлдо ползын!

Что захватишь, пусть в твоей руке
будет!

Шаман несколько раз кланялся Tajlik-хану, сопровождая поклоны следующими словами:

Мөргү-бә, мөргү! Мөргү-бә, мөргү! С поклоном — поклон! С поклоном — поклон!

Шаман выходил из владений Tajlik-хана. Он возвращался к своему спутнику — духу, которого поставил у двери, входя в жилище Tajlik-хана. Спутник — дух встречал шамана следующими словами:

Ааа! ааа!

Ааай! Ааай!

Чыктын-ба, кам?

Вышел ли ты, кам?

Кан әжігің ачтын-ба?

Дверь хана открыл ли ты?

Кан жарғызын алдын-ба?

Приговор хана получил ли ты?

Кан әжігі кат полды-ба?

Дверь хана не была ли недоступной — твердой?

Піј әжігі пәк полды-ба?

Дверь начальника не была ли крепко запертой?

Шаман отвечал:

Кан әжігі кат полҗон јок,

Дверь хана недоступной не была,

Піј әжігі пәк полҗон јок!

Дверь начальника крепкой не была!

Кан жарғызын алҗанді-мін!

Как будто бы приговор хана я получил!

Шаман выпрямлялся и, стоя, громко звал своего духа — гуся (кас), на котором он и будет теперь совершать свой дальнейший путь.

Јајык кәскә-јаңылбас,

Если перелетает через разлив (реки
Урал), — не теряет свой путь

Јағы ала Чымар кас,

Пестрошекий Чымар гусь!

Әділ кәскә әрікпәс,

Если перелетает через реку Волгу,
никогда не скучает,

Әәгі ала Чымар кас!

С пестрым подбородком, Чымар
гусь!

Гусь — кас — откликался на зов шаману. Теперь шаман ехал на гусе. Шаман подражал крику гуся. В дальнейшем, в напеве, в голосе шамана слышалось гусиное гоготанье.

Шаман пел, обращаясь к гусю:

Оң канадың јаја сал,
Сол канадың кыма сал!
Ак аястың алды мынаң,
Ак пулуттун мурду мынаң,
Капшығајла кабылы отур!
Калбыракка тартыбы-отур,
Сүргән јәргә сүрә јәт,
Көргөн јәргә көрө јәт,
Ат көдүрбәс ар толуну!

Толудың бажы көрүнә калды,
Толудың бажы пілдірә калды,
Алкыжым јәтсін үссүн Ыгәндә!

Шаман вставал и вертелся — кружился. Это означало, что шаман догнал отославных им вперед табу.

Духи шамана, посланные им сопровождать табу, выражали шаману свое недовольство его задержкой в пути.

Духи кричали на шамана:

Алај, алај, алај кам!
Сактај, сактај, — сак полдым!
Саңыскан кујрубун сарт кәстим!

Кәра јәрің казындың-ба?
Кату ағажың чамындын-ба?

Правое твое крыло распусти,
Левое твое крыло подожди!
Под белой ясностью,
Впереди белых туч,
Поспешно лети!
С шумом крылья расправь,
Где заметишь, там и догони,
Где увидишь, там и настигай.
Чистое мое толу, которое конь не
сможет поднять!
Голова толу видна,
Голова табу заметна.
Да дойдет мое благословение до
верхнего Ульгения!

Алай, алай, алай кам!
Ждали, ждали, заждались!
(От нечего делать) хвост сороки
я обрезал!
Черную землю, что ли, ты рыл?
Твердое дерево, что ли, ты тесал?

Шаман оправдывался перед духами, просил их не сердиться на него:

Кара јәрін казынбадым,
Кату ағажым чамынбадым.
Ајлүдің кууни күч полуп,
Ајлік полуп кабылып јәттім;
Күндүдің кууни күч полуп,
Күндүк полуп кабылып јәттім.
Корлонбоғор оксынбағар,
Табұчылар толучылар!

Черную землю я не рыл,
Твердое дерево я не тесал,
Людей, живущих под месяцем, жалко
было оставить,
На месячный срок задержавшись,
(теперь) я, мчась, пришел;
Людей, живущих под солнцем,
трудно было оставить,
На сутки задержавшись (теперь),
я, бушуя, несясь, (вас) настиг.
Не возмущайтесь, не порицайте,
Вы, сопровождающие табу и толу!

Произнося имя Кычкыл-хана «ак малдың адазы аҗыр јалду кан Кычкыл», шаман подходил к көнөк'ам и толу; отделял два көнөк'а и три толу и отдавал их духу Кычкыл-хану. В обращении к нему шаман говорил о пяти көнөк'ах и пяти толу, чтобы преувеличить свой дар:

Ак Мардың адазы.
Аҗыр јалду кан Кычкылға,

К отцу белого мар'а,
К хан-Кычкыл'у, имеющему гриву
жеребца,

Паш жакалу ағыр толу.
Тура жіктү төс көнөгім,

Ар алдымнан жајалып кіргәрі

Паш жакалу ағыр толу,
Тәкілдәгән пај сабам,
Көдүрмәлү көл тәпші,

Ағы Мардың адазына,
Ајбыр жалду кан Кычкылға,

Ар алдымнан жајалы-отур!

Мәнчә полуп кабылы отур!
Көдүрмәлү көл тәпшім,

Көк пулутча көчүп кірзін!

Шаман направлялся к главному духу ак Мардың адазы хан-Кычкыл'у — цели своего путешествия. У трех дверей жилища духа хан-Кычкыл'а шаман оставляла своих духов, спутников, разговаривал с привратниками хан-Кычкыл'а и, наконец, представал перед самим духом, которому и показывал свой новый бубен. Происходил тот же разговор, который шаман только что имел с духом Тәјлік-ханом.

Шаман также угощал Кычкыл-хана. Камлание Кычкыл-хану повторял камлание ак Мар'у; Тәјлік-хану.

Закончив переговоры с духом Кычкыл-ханом, шаман выходил из его жилища и призывал опять духа гуся, на котором он и отправлялся в обратный путь. Шаман объяснял гуся, что он возвращается теперь домой. Он пел:

Оң қаадың жаја сал,
Сол канадың кыма сал!
Ак ајастың алды мынаң,

Ак пулуттуң мурду мынаң,
Капшығајла кабылы отур,
Калбыракка тартыбы отур,

Аланчығым ак жалдыма,

Сәчiс кыјын төрт толукка!

Чистые толу о пяти воротах,
Берестяной көнөк мой с попереч-
ным швом,

Вперед меня направляясь, вхо-
дите!

Чистое толу о пяти воротах,
Покачивающаяся богатая саба моя,
Озеро — сельница, предназначенная
для возношения,

К отцу белого мар'а

К хан-Кычкылу, имеющему граву
жеребца,

Впереди меня, мужа, продвигай-
тесь!

Подобно мне мчитесь!

Моя озеро — сельница, предназна-
ченная для возношения,

Подобно синему облаку пусть про-
двигается!

Правое крыло твоё расправь,
Левое крыло твоё прижми.
Под белой ясностью — лазурью
неба,

Впереди белых облаков

Быстро лети.

Распротай твои крылья и напра-
вляйся

К белому пламени моей юрты
(аланчика),

К восьми срубам — четырем углам
(т. е. к дому).

Шаман долго вертелся — это означало, что он возвращался теперь назад.

По дороге домой шаман проходил в обратном порядке все этапы, через которые он пришел к Кычкыл-хану. Он миновал владения ак мар'а, шел по опустошенным им стойбищам узүт'ов и доходил до разделения путей семнадцати ханов. Он јәттi

канинҥ җаралыш җәр. Он подходить к самому отдаленному җыҥк'уаҥам Прас ічтәр и сообщал ему о том, что он возвращался теперь домой от Кычкыл-хана:

Сырык җәтпәс таш көнөк!

Анәм Прас ічтәрі!

Аҗыр җалбу кан-Кычкылдың,

Аланчыҗым ак җалдыма,

Сәчис кыҗын төрт толукка,

Мән сабылып пар-җадым

Эти же слова шаман повторял и остальным восьми җыҥк'ам, владения которых он проходил.

Пройдя последний җыҥк — наиболее близкий к улусу Чолухой — җүрәкәй, шаман в последний раз вертелся и, стоя посреди дома, обращался к духу-гусю. Шаман отпускал его, говоря:

Җыҥк кәчсә җаңылбас,

Җаҗы ала Чымар кас!

Әдiл кәчсә әрікпәс,

Әәгi ала Чымар кас!

Сүт ак көлдән суҗатал,

Сүрун туудан җәмәтал.

Карылұҗа көрүнбә,

Камчылҗа түжүрбә!

Затем шаман направлялся к двери и садился там на корточки лицом к порогу. Шаману сразу же откликнулся хозяин порога, называя свое собственное имя: —

әәйтү, әәйтү, кара көөш!

и спрашивал шамана об его путешествии к Кычкыл-хану:

Кан әжігі кат полды-ба?

Піј әжігі пәк полды-ба?

Кан җарҗызын алдын-ба, кам?

Шаман отвечал:

Кан әжігі кат полҗон җак.

Піј әжігі пәк полҗон җок!

Кан җарҗызын алҗандіј-мін!

Каменный көнөк, до дна которого не достает жерды!

Течение матери моей Мрассы!

От хана-Кычкыла, имеющего гриву жеребца,

К белому пламени моего аланчыка (юрты),

К восьми обрубам четырех углов,

Я с шумом назад мчусь

Если он пролетает над разливом (реки Урал), он не собьется с пути, О, пестрошекий мой гусь Чымар! Когда он пролетает Волгу, он не затоскует,

Красношекий мой гусь, Чымар!

Из молочного белого озера пей,

С горы Сүрүн бери себе пищу!

Не показывайся имеющему руки,

Не являйся во сне имеющему плеть.¹

Әәйте, әәйте, Кара Гөөш! —

Дверь хана плотно запертой не была ли?

Дверь начальника недоступной не была ли?

Приговор — решение хана получил кам?

Дверь хана недоступной не была, Дверь начальника крепкой не была!

Приговор хана как будто бы я взял!

¹ Т. е. даже во сне никому не являйся, кроме меня.

Айна بازار жолына.
Алты чулбанып жадып кал!

Айна жолын пош пәрбә!

Шаман вставал и шел в передний угол. Там он садился на свое обычное место на скамейку.

Шаман отпускал своих тос'ов, говоря:

Жардым паскан јаш ұландар,

Іінім поскан әр ұлустар,
Туулар, туулар паштарына.
Јәлә, јәлә појлорына

Кыјма кылыш тудун турбар,
Кірма кіріш тартын турбар!
Кычырғаным сәк убузар!

Кыҗырғаным јәп убузар!

На дороге, где ходит айна,
Оставайся лежать, в шесть раз
свернувшись!
Доступа (в этот дом) злomu духу
не давай!

Наступившие на мои плечи молодые
ребята,
Давившие мои плечи мужи,
На вершинах гор,
На хребтах вереницей тянущихся
гор,
Лунообразный меч держа, стойте,
Крученную тетиву натягивая, стойте!
Ожидая зова моего, чутко вслуши-
вайтесь, прислушивайтесь!
Крик мой тотчас услышать будьте
готовы!

Шаман переставал ударять в бубен, — он держал колотушку так, что она висела на ремне у него, на пальце. Шаман щелкал три раза по коже бубна. Засовывал колотушку за рукоятку бубна, а бубен ставил в угол на скамейку, сплошной разрисованной стороной к стене. Шаман несколько раз лезла. Ему подавали јан көнөк — небольшой туяс с абырткой, привязанный к большому көнөк'у — туясу. Из него шаман кропил абырткой хозяина порога (позоҗо) и еще раз обращался к нему:

Ај каразы јорукту,

Ају пашмак өдүктү,
Түн каразы јарукту,
Түктү пашмак өдүктү!
Алтон ају тәрәзі,
Ајак учка јәтпәјтән,
Јәттон ају тәрәзі,
Јән, учуна јәтпәјтән,
Кәрә сөөм ајулу,
Кәзік пычкак тырмакту,
Адазынаң күчтү туған,
Адам күчтү, Кајракан,

Ұч әжіктү кара Гөөш-кан!

Имеющий промысел на ущербе
месяца,
В башмаках из медвежьих шкур,
Имеющий промысел в темноте ночи,
Имеющий шерстистые башмаки!
Шестьдесят медвежьих шкур
Нехватает тебе на конец ноги,
Семьдесят медвежьих шкур
Нехватает тебе на конец рукава.
Имеющий зубы с сажень,
Имеющий когти с обрубков ноги,
Родившийся сильнее своего отца,
Отец мой, наделенный силой, уважа-
емый,
Имеющий три двери Черный
Гөөш-кан!

Шаману подавали трубку и он курил. На этом заканчивалось камлание с новым бубном.

III

Такое же камлание Кычкыл-хану шаман должен был совершать каждый раз, когда он обменивал свой старый бубен на новый.

Как мы говорили выше, по некогда существовавшим представлениям телеутов, духи при выборе нового шамана определяли ему точно количество бубнов, которое он сможет иметь в продолжение своей жизни. Число назначаемых для каждого шамана бубнов неодинаково: оно колеблется от трех до двенадцати.

Шаман сам решал, когда ему обновить свой бубен. Он просил сделать ему новый бубен обычно тогда, когда старый, в результате длительного употребления, уже изнашивался. В случае задержки с заменой старого бубна новым, духи, по словам шаманов, напоминали, что пришло время получить новый бубен. Обычно шаманы старались не часто менять бубен, так как по существовавшим представлениям число бубнов определяет продолжительность жизни шамана. Каждый из числа назначенных — предоставлял ему духами бубнов шаман „показывает Кычкыл-хану“, т. е. при каждом таком обновлении бубна совершалась та же сложная процедура, что и при получении первого бубна. Как мы говорили выше, от старого бубна шаман оставляла лишь металлические части кр'ш — железную горизонтальную перекладину, с подвесками, и рукоятку. Остов бубна (обечайка и кожа) изготовлялся заново. Заново же наносились рисунки. Новый бубен должен быть точно таким же, каким был старый.

Бывали случаи, когда шаман, боясь, что ему мало будет того числа бубнов, которое ему предоставили духи, делал себе при изнашивании старого бубна новый бубен, тайком от духов.

В этом случае шаман никому не объявлял об этом, бубен ему делали близкие тайно. Никаких торжественных камланий не происходило. Шаман не шел показывать этот „незаконный“ бубен и Кычкыл-хану.

Со смертью шамана „кончается жизнь“ и его бубен: внешне это выражалось в том, что кожа бубна прорезалась ножом.

После похорон шамана кто-либо из присутствующих (не обязательно родственник) прорезал ножом кожу бубна и относил его куда-нибудь подальше от улуса. Он вешал бубен на дерево, произнося следующие слова:

Алты өркөштү ак аданы,
Ала кайыңа ilil jat!
Алтын туу
Он jätti канның тарам jолбо чачыл
jat!

Шестигорбый белый бубен
На пестрой березе висит,
Золотые ленты — знамена —
По пути, где разделяются дороги
семнадцати ханов, рассыпаются

Затем человек, разрезавший бубен, произносил имена всех jайк'ов, владения которых расположены по пути к тому месту, где расходятся дороги семнадцати ханов он jätti канның jачмышка ончо канның тарам jолбо. Этот человек говорил, обращаясь к бубну:

Алты өркөштү ак адам,
Кан jолына кабылбай jазың,
Ала кайыңа ilil jазын!
Алтын туу jус jолуна ужалбай
Он jätti канным тарам jолбо чачыл
jажын!

Шестигорбый белый бубен,
По дороге хана ты (больше) не
мчишься,
На пестрой березе ты (теперь) под-
вешен,
Золотые ленты, на пути духов jар-
jол вы больше не мнетесь,
На пути расхождения дорог сем-
надцати ханов (теперь) вы раз-
веяны — разбросаны!

В отдельных семьях после смерти шамана родичи оставляли рукоятку от его бубна чалу и присоединяли к другим культовым предметам, хранящимся дома. С этой рукояткой связывалось представление о покровительстве умершего шамана и наследственной передаче его дара (рукоятка мыслилась предком шамана). Она хранилась годами и неизменно переходила, вместе с другими изображениями духов (амагандар'ами, ая-калар'ами), — изображениями духов предков — женщин, күрмүш'ем — покровителем дома, канаттулар'ами — покровителями охотничьего промысла, — от отца к младшему сыну, обычно наследовавшему дом отца.

Рис. 10. Рукоятка бубна
№ 3974-193 $\frac{e}{2}$ 1.

Рис. 11. а, б. Рукоятка
№ 5063-4.

Рис. 12. Рукоятка
№ 5063-5.

№ 3974-193 $\frac{e}{2}$ 1 чалу — рукоятка бубна, изображающая предка шамана. Длина — 27 см, ширина 5 см, толщина 3,5 см (рис. 10).

№ 5063-4 чалу — рукоятка бубна. Длина 69 см, толщина 6,5 см (рис. 11).

№ 5063-5 чалу — рукоятка бубна. Длина 71 см, ширина 8,5 см, толщина 6,1 см (рис. 12).

Кроме того, в память умерших предков шаманов изготавливали маленькие деревянные бубны, стараясь сделать их возможно больше похожими на настоящие шаманские бубны.

№ 2334-98-1. Маленький бубен состоит из деревянного ободка (ширина 1,5 см, окружность 38 см), скрепленного веревочкой, и из двух перекладин, крестовины вертикальной (длиной 12,5 см) и горизонтальной (длиной 9 см). Диаметр бубна — по вертикали 13,5 см, по горизонтали 9,5 см (рис. 13).

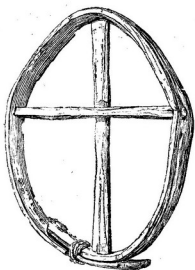

Рис. 13. Маленький бубен № 2334-98-1.

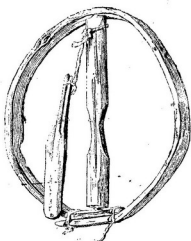

Рис. 14. Бубен с колотушкой № 2334-98к.

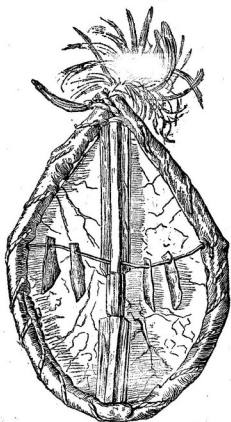

Рис. 15. Бубен № 3974-197ав.

№ 2334-98к. Маленький бубен состоит из деревянного ободка (ширина 1 см; окружность 34 см), скрепленного в двух местах бечевкой, и вертикальной, суживающейся посредине поперечины (ширина 1 см; длина 9.5 см). К поперечине с помощью веревочки прикреплена деревянная палочка с суживающимся концом (длина — 7.5 см), имитирующая колотушку от бубна „орбу“ (рис. 14).

№ 3974-197ав. Маленький бубен, состоит из деревянного ободка, обтянутого кожей, и поперечной рукоятки, суживающейся посредине и имеющей по вертикали выступ. По форме перекладина соответствует перекладине большого бубна (рис. 10 и 11); сквозь перекладину продета проволока, повторяющая кіріш — „тетиву“ — большого бубна (рис. 1 и 3). Она упирается во внутреннюю

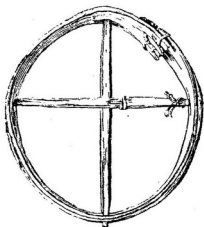

Рис. 16. Бубен № 5063-26.

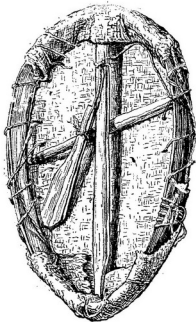

Рис. 17. Бубен № 5063-27.

сторону обечайки и имеет две железные привески. К верхнему краю бубна прикреплены перья (такие же перья прикрепляются к матерчатым изображениям энеген-дер'ов) (рис. 15).

№ 5063-26. Маленький бубен (форма неправильного круга) состоит из обечайки, скрепленной в одном месте бечевкой, и двух перекладин. Вертикальная перекладина представляет собой рукоять бубна, горизонтальная кіріш — „тетиву“ бубна (рис. 1 и 3). Окружность бубна 33 см, ширина обечайки 2 см, длина вертикальной палочки — рукояти — 11 см, длина горизонтальной палочки — кіріш'а — 9.5 см (рис. 17).

№ 5063-27. Маленький бубен (яйцевидной формы) состоит из обечайки, на которую натянут и к которой прикреплен тоненькой бечевкой холст, и двух перекрещивающихся палочек, изображающих рукоять бубна (вертикальная) и кіріш бубна (горизонтальная). К вертикальной палочке — рукоятке бубна — привязана на тонкой бечевке лопатообразная палочка, долженствующая изображать колотушку бубна „орбу“. Окружность бубна 32 см, ширина 12 см, длина горизонтальной палочки кіріш'а 8 см, длина палочки — колотушки — 5 см (рис. 17).

Эти маленькие бубны чалу хранились, так же как и рукоятки от бубнов, вместе с другими предметами культа и, в частности, вместе

с эменгедерами — женскими духами-предками.¹ Эти бубны и рассматривались телеутами как бубны эмегендеров, т. е. их предков — женщин. Эмегендеры и энекелеры, говорили телеуты, не все, конечно, были шаманками, но среди них, несомненно, должны были быть шаманки; вот почему и делали в память их маленькие бубны; это — бубны эмегендеров.

Убеждение телеутов в том, что среди эмегендеров — их женщин предков — были шаманки, лишний раз указывает на то, что шаманство своими корнями восходит к материнскому роду.

¹ См.: Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. Духи „амайгандар-өрөккөннөр“. Сб. памяти Богораза, 1937, стр. 123.